

Шарлотта
Физерстоун

Похоть

В эротическом приключении
героев есть место романтике,
любви, искушению и магии!

18+

Светлая или темная сторона?
Он — олицетворение похоти и сладострастия.
Она — чистый и светлый идеал.
Что выберешь ты?

Шарлотта Физерстоун

Похоть

Серия «Milady – Harlequin»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6494387

Похоть: Центрполиграф; Москва; 2014

ISBN 978-5-227-04454-9

Аннотация

Благовоспитанная леди Честити Леннокс считается олицетворением добродетели и целомудрия. Заполучить чистую, непорочную девушку пытаются два враждующих волшебных королевства. Невинная и равнодушная к наслаждениям плоти, в глубине души Честити страдает, что не познала еще истинную страсть, и в то же время страшится своего будущего, неразрывно связанного с магическими силами. Все меняется в мгновение ока, когда ее расположения начинает добиваться обольстительный незнакомец, и вскоре Честити уже не узнает себя – вырвавшись из тюрьмы добродетели, она готова открывать для себя все новые грани порока в объятиях сказочного принца Тейна. Но судьба ставит девушку перед мучительным выбором: чтобы воссоединиться с любимым, ей нужно отказаться от всего, что составляет ее жизнь, от своей человеческой природы. Но главное, она

может стать жертвой терзающего Тейна смертного греха – похоти...

Содержание

Проклятие Неблагого Двора	7
Пролог	11
Глава 1	15
Глава 2	27
Глава 3	61
Глава 4	86
Глава 5	121
Конец ознакомительного фрагмента.	140

Шарлотта Физерстоун

Похоть

Бабуле Макалпин, чьи истории о мрачных и загадочных духах не возымели желаемого эффекта. Я ни капельки не боялась, что вдруг явится фея и выдернет меня из кровати, потому что всегда была настороже и не засыпала допоздна даже после того, как меня надежно укутывали одеялом. Я была очарована. И вдохновлена! Спасибо за те рассказы и за то, что привила мне любовь к феям и сказкам

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

LUST Copyright

© 2011 by Charlotte Featherstone

«Похоть»

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

© Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

Проклятие Неблагого Двора

Поговаривают, что феи всегда жили среди смертных, их мир существует параллельно нашему. Они обитают в двух дворах; добрые феи принадлежат Благому Двору, где царят радость и свет. Противостоят благим феям темные силы, которые населяют Неблагой Двор – или нечестивое королевство, как его еще называют. Мрачные феи таинственны и чувственны, они сведущи в вопросах плотских наслаждений. Молва гласит, что достаточно рассмотреть этих фей и их красоту, как тут же окажешься вовлеченным в их эротический, сладострастный мир. И стоит очутиться там, как твоя судьба будет решена бесповоротно, а твои тело и воля отныне не будут тебе принадлежать.

Именно это и случилось однажды, давным-давно, с прекрасной королевой Благого Двора, которую постигло несчастье привлечь внимание властителя королевства темных фей.

Король тотчас потерял голову от любви к светлой красавице, и с этого мгновения им двигало лишь одно безрассудное желание – обладать ею любой ценой. Все мысли короля Дуира сводились к королеве Айне, но та с презрением отвергла его пылкие чувства. И тогда темному владыке не осталось ничего иного, кро-

ме как похитить обожаемую королеву из ее светлого счастливого двора, пока та спала. Подобно тому, как Аид унес Персефону в подземное царство, Дуир доставил Айну в свои мрачные владения, где и принялся донимать ее своими эротическими талантами. Король Неблагого Двора нисколько не сомневался, что сможет покорить Айну, но светлая королева на дух не выносила Дуира. Айна долго вынашивала коварный план по избавлению от похитителя, обещая уничтожить короля и весь его двор, но Дуир держал ее в заточении – наложницей для своих темных, порочных удовольствий.

Ненависть к королю буквально изводила Айну, и вскоре она уже не могла думать ни о чем другом, кроме мести. Подпитываемая отвращением, Айна отчаянно искала возможность вырваться на свободу – увы, напрасно. Все попытки Айны были тщетными до одного памятного дня, когда она произвела на свет двойню – сыновей короля. Восхищенный своим потомством и благодарный королеве за столь роскошный подарок, Дуир стал менее осторожным. Он предоставил королеве новые свободы, и именно тогда Айна нашла способ сбежать из его владений.

Однажды ночью королева ускользнула, забрав с собой одного из сыновей – златокудрого ребенка, который был живым воплощением светлых сил Благого

Двора, бросив на произвол судьбы темноволосого сына, так похожего на своего отца. Сбежав, Айна наложила заклятие на Неблагодой Двор: он увянет и никогда не будет процветать снова – до тех пор, пока темный мужчина-фея не сможет склонить женщину отдаться ему без принуждения, по доброй воле. Кроме того, Айна прокляла сыновей, которые родятся у близнецов Дуира, – а заодно и всех последующих мужчин из рода короля, – наложив на них по одному смертному греху. Так королева разрушила шансы своего собственного темного сына, лишив надежды встретить целомудренную женщину, которая с готовностью, без давления на нее, отдалась бы ему.

Заклятие королевы действует и по сей день. Неблагодой Двор гибнет. У обители темных фей есть лишь одна надежда – найти семь женщин, которые олицетворяют добродетельные стороны человечества. Семь женщин, которые являют собой целомудрие, умеренность, милосердие, прилежание, терпение, доброту и смирение. Женщин, чьи благонравные сущности способны побороть грехи, скрытые глубоко в душах каждого принца, – грехи, жаждущие совратить эти добродетели с помощью эротических наслаждений.

Если Неблагодому Двору суждено выжить, волшебные темные принцы найдут способ убедить воплощенные добродетели следовать за ними по доброй

воле, удовлетворяя основные потребности их грехов. Тех самых грехов, которым, возможно, придется по вкусу каждая из добродетелей.

Пролог

«Дорогой дневник!

От рождения наделенная высшей силой – одаренная, благодетельствованная... проклятая. Все это – я. Поговаривают, что это не только моя участь, такая же судьба уготована и моим сестрам, а началось все с одного благоприятного события. Подобно тому как к Деве Марии явился архангел Гавриил, моего отца посетила во сне королева фей, которая предсказала великое призвание и особое предназначение не только мне, но и трем моим сестрам. В этом сне отцу нашептали о роли, которую нам суждено сыграть в мире, еще нами не виданном, – мире, частью которого мы, кажется, никогда по-настоящему не станем.

Точно так же, как Дух Христов – в Непорочную Деву, королева вселила в моего отца качества, которыми желали обладать все люди, – добродетельные черты, которые многие надеются обрести через отпущение грехов в церкви, отдавая круглые суммы ради прощения каждого их проступка. Через семя отца эти добродетели передались по наследству его потомству, и теперь каждая из дочерей обладает высокоморальными качествами, каждую из нас характеризует одно из этих свойств – смирение, доброта, умеренность и це-

ломудрие.

Мы крепко связаны со своими добродетелями, они необходимы нам как воздух. Эти качества определяют нас, наши личности, наши надежды, наши желания. Они поработают нас. Сковывают нас, будто цепями – и так будет до того дня, когда станет ясна наша цель в этом маленьком, ограниченном мире.

Такова наша доля, наша роль в этой жизни. Кто-то наверняка скажет, что участь других намного хуже того, что выпало нам. В конце концов, мы родились в династии Ленноксов – в семье, чья власть простирается от юго-запада Англии до диких красот Шотландии. В семье, которая процветает, чье богатство неуклонно растет. В семье, которую глубоко почитают и даже чуточку боятся, а все из-за четырех дочерей, которые появились на свет друг после друга, разделенные считанными минутами.

В то время как одни всерьез опасаются, что мы – ведьмы, другие, жаждущие обладать богатством и властью, страшатся не таинственной истории нашего появления на свет, а того факта, что обладать нами невозможно. Мы сотворены для чего-то иного, того, что находится вне удовольствий и амбиций мужчин.

Мы созданы чистыми. Праведными. Добродетельными. Одинокими.

Только представьте, что мне придется провести

всю свою жизнь, так никогда и не испытал всего, что она может предложить! Вообразите, каково это: мечтать – и содрогаться от ужаса при одной мысли – о будущем, совершенно тебе не известном. Мы с сестрами знаем, что появились на этот свет не ради исполнения такой приземленной миссии, как забота о доме и поддержание семейного очага, а по совершенно другой, мистической и, боюсь, зловещей причине.

Представьте, смогли бы вы вынести такую жизнь, никогда не чувствуя прикосновения мужчины или страстного желания, пронзающего ваши чресла? Вообразите, что вы слушаете, как ваши подруги болтают о кавалерах, с которыми они танцуют... Или что вы смотрите на рабочих с голыми торсами, усиленно трудящихся на земле, наблюдая, как пот струится между их мускулами, и боитесь, что никогда не сможете понять завораживающей силы этого видения или почувствовать, как ваши собственные щеки вспыхивают в порыве физического желания от этой типично мужской, сильной картины.

Нарисуйте в своем воображении, если сможете, как это могло бы быть – никогда не ощущать страстного жара, заставляющего кровь бурлить, когда взгляд мужчины ласкает вас, задерживаясь на грудях... Этот взгляд должен заставить вас чувствовать себя женственной и желанной, но взамен вы ощущаете себя

изолированной. Безразличной. Фригидной...

Они называют меня высокомерной. Холодной. Но я – совсем не такая. Я – Честити, воплощенное целомудрие – таково мое имя,¹ моя добродетель. Это – я, это – все мое существо. И боюсь, это – моя тюрьма».

¹ В переводе с английского имя Честити означает «Целомудрие». (Здесь и далее примеч. пер.)

Глава 1

– Ваше величество, время пришло.

Он знал это. Слышал стенания, длившиеся, казалось, днями напролет, – отзвук громкого плача все еще стоял в его ушах. Даже здесь, в его личных покоях на верхнем этаже, нельзя было укрыться от душевнораздирающих воплей, которые, похоже, стали часто посещать его двор. Еще одно завывание, более надрывное, чем возвещающее смерть причитание привидения-плакальщицы, эхом отразилось в стенах замка, прожурчав по его крови и осев в самой глубине его черной души.

Проклятие лежало на них всех.

Ниалл, король Неблагого Двора, сын Дуира и самый могущественный из темных фей, стоял перед огромным камином, широко расставив ноги и сцепив руки за спиной. Немигающим взглядом Ниалл смотрел на оранжевые языки пламени, которые поглощали уже почерневшее дубовое полено и с шипением выплевывали искры через дымовую трубу, обдавая жаром комнату. Новый женский крик прорезал воздух; этот леденящий кровь звук опять отозвался в душе короля, который из последних сил боролся с собой, стараясь не выдать охвативших его эмоций.

– Ваше величество...

– Кто эта девица, что так отчаянно пытается произвести дитя на свет?

– Гертруда, женщина Айриэна.

Ниалл закрыл глаза, мучительно переживая боль осознания того, что его кузен будет страдать этой ночью.

Айриэн, несмотря на его эльфийскую кровь – или, возможно, благодаря ей – считался лучшим воином в королевстве. Для Ниалла не имело значения, что его кузен был мужчиной-феей лишь наполовину. Айриэна отличали преданность и надежность, он слыл королем настоящим братом. Был ближе, чем родной брат, с которым Ниалл в свое время делил одно чрево. Смешанная кровь Айриэна никогда не доставляла Ниаллу хлопот – ровно до сего момента.

– Это была ошибка – допустить его в святая святых, – проворчал провидец-фея. – Он навлек на себя гнев Матери Сотворительницы, и теперь пострадаем мы все.

Ниалл застыл на месте, глубоко дыша, стараясь сдержать охватившую его ярость.

– Нас прокляла не Мать Сотворительница, Гвинед, а моя мать.

За спиной короля раздалось злобное рычание провидца. Наконечник тисового посоха старика гневно

стукнул по золотистым плитам, но Ниалл проигнорировал драматичный спектакль Гвинеда – никто не мог запугать короля, и уж тем более этот высохший старый чародей.

– Как же эта женщина оказалась при нашем дворе? – спросил Ниалл, готовый уцепиться за что угодно, за любую мелочь, которая могла бы сказать ему: эту подданную и ее ребенка минует ненависть его матери, они не станут жертвами проклятия, тяжелым гнетом лежавшего на его владениях.

Гвинед вздохнул и прошаркал вперед, его бархатная мантия зашуршала по полу.

– Эта девушка была служанкой. Айриэн купил ее у смертного. Тридцать сребреников – и благословение на ребенка, рожденном смертной.

– Похоже, это удачная сделка, взаимовыгодный обмен, – пробурчал Ниалл, стараясь не поддаваться нараставшей в душе тревоге. Эта женщина – Гертруда – не вскрикивала последние несколько минут.

Гвинед подошел ближе, понизив голос до шепота:

– Она не хотела становиться частью Неблагого Двора, несмотря на все заверения Айриэна, что с ней будут обращаться как с принцессой. Она пыталась убедить смертного забрать ее обратно, но потом Айриэн и его безумная эльфийская кровь взяли верх. Он похитил служанку и принес ее сюда, словно был богом

подземного мира, а она – невинной девицей. Она попала сюда не по доброй воле и не смягчила своего отношения после, – прошипел Гвинед, напоминая Ниаллу – не слишком тонко и вкрадчиво – о проклятии, которое его мать наложила на королевство.

Айриэн любил смертную. Ниалл знал это. Но знал и то, что Гертруда была создана не для того, чтобы любить Айриэна. Они были обречены – точно так же, как и их дитя. Как весь Неблагодный Двор.

Дверь в покои короля неожиданно распахнулась – так широко и резко, что толстая дубовая дверешка с силой ударилась о стену. Ниалл услышал за спиной разъяренное дыхание и уловил запах горя, смешанный с приторным зловонием смерти.

– Она умерла.

Эти два слова были наполнены душераздирающей мукой. Ниалл закрыл глаза, пытаясь достойно встретить страдание и справиться с болью, звучавшей в голосе Айриэна.

– Будь ты неладен, она умерла!

Ниалл медленно обернулся, собираясь с силами перед тем, с чем ему придется столкнуться лицом к лицу. На руках Айриэна лежала Гертруда, ее тело обмякло, лицо казалось безжизненно-бледным. Начиная от талии нижняя часть ее белоснежного одеяния пропиталась красной субстанцией. Кровь возлюблен-

ной капала на сапоги Айриэна, образуя липкую лужицу между его ступней.

– Она будет удостоена особых, подобающих феи похорон, как если бы она была твоей женой, Айриэн. Поскольку ты – принц темного королевства, она была бы твоей принцессой. Она будет погребена с соответствующими почестями.

Ниалл поднял взгляд на сведенное мукой лицо любимого брата, пытаясь заставить Айриэна посмотреть на него в ответ. Но бесстрашный вояка был теперь буквально уничтожен горем, Айриэн мог видеть лишь свою мертвую нареченную супругу, лежавшую в его объятиях.

– Что с ребенком? – спросил Гвинед.

Яростно зарывав, Айриэн сделал угрожающий шаг в сторону провидца, но тут же перехватил взгляд Ниалла и успел сдержать порыв своей неистовой крови.

– Это мальчик. Он... жив. Но я не знаю, как долго он еще протянет. Повитуха из смертных говорит, что он родился слишком рано.

– Гвинед, – приказал Ниалл, – приведи какую-нибудь женщину, которая смогла бы кормить ребенка.

Старик посмотрел на короля так, словно тот обезумел.

– На протяжении многих лет в нашем дворе не рождалось ни одного ребенка, ваше величество. У наших

женщин нет молока, чтобы выкормить это дитя.

— Тогда я даю тебе разрешение похитить кормилицу из королевства смертных.

— И навлечь на всех нас пущее несчастье? — прогремел провидец. — Ваше величество, я вас умоляю! Мы больше не можем красть смертных. Наш двор умирает! Мы просто обязаны найти способ снять проклятие вашей матери...

— А чем, по-твоему, я занимаюсь с тех самых пор, как взошел на престол? — в отчаянии взревел Ниалл. — Сижу на заднице, наслаждаюсь развеселыми приемами? Неужели ты думаешь, что я действительно развлекаюсь все проклятые дни напролет?

Провидец учтиво поклонился и сделал шаг назад.

— Я знаю, что вы ищете способ...

— Довольно! — рявкнул Ниалл. — Гвинед, ты прикажешь двум слугам взять молоко от коровы, которую фермер Дуглас оставил на пастбище специально для нас. Я одарил фермера и его жену ребенком, прибегнув к своим чарам. Корова — десятина, его плата за мою щедрость. Иди исполняй немедленно.

Ниалл перевел взгляд на убитого горем Айриэна:

— Позволь нам похоронить ее по нашему обряду, друг мой.

Рыдания вырвались из груди воина, стоило ему посмотреть вниз, на мертвое лицо возлюбленной.

– Она не хотела этого – оставаться здесь, со мной, в нашем королевстве. И, предчувствуя неотвратимо надвигающуюся смерть, молила меня, Ниалл, освободить ее. Я... обещал ей, что сделаю это.

Сглатывая вставший в горле комок, Ниалл наблюдал, как Айриэн опустился на колени, заливаясь слезами над безжизненным телом Гертруды. Уже не в первый раз проклинал Ниалл свою мать, королеву Благого Двора, за наложенное в сердцах заклятие. Он проклинал и собственного отца – за то, что тот преспокойно позволял годам течь, бездействовал целыми десятилетиями, не удосуживаясь искать способ снять заклятие. Но больше всего темный король проклинал тот день, когда мать убежала и взяла с собой его брата-близнеца, оставив его, Ниалла, в этом королевстве – в бессилии наблюдать, как его подданные чахнут и умирают, как вырождается его двор.

– Айриэн, – тихо произнес Ниалл, положив руку на плечо кузена. – Мы отомстим за ее смерть. Я тебе обещаю. Я найду способ разрушить это проклятие. Ты найдешь другую женщину, Айриэн, – у тебя все получится. И она будет хотеть тебя, желать тебя так же неистово, как ты будешь желать ее.

Айриэн поднял взор на двоюродного брата, темные глаза воина сверкали сквозь пелену муки, подобно ониксу.

– Мы все прокляты, Ниалл. Королевство гибнет. Несмотря на все наше богатство, обилие пищи в наших закромах и роскошь в наших покоях, мы прокляты. С материальной точки зрения у нас есть все, что только могут желать мужчины-феи, все, кроме любви женщин, все, кроме детей, – того самого, что помогло бы выжить нашему народу.

– Я сниму это ужасное проклятие, Айриэн. Ради этого я сделаю все, что только ни потребуется. Клянусь тебе в этом.

Лицо Айриэна исказилось, на смену горю пришел гнев.

– Кто же захочет нас, Ниалл, – горько усмехнулся безутешный вояка, – когда мы приговорены носить на себе бремя греха?

* * *

Стоя в спальне своего отца, Ниалл смахнул паутину, которой основательно заросло все вокруг за долгие годы, прошедшие со смерти Дуира. Именно в этой комнате была надежно спрятана тайна того, как разрушить проклятие, – Ниалл нисколько не сомневался в этом.

Дрожь омерзения пробежала вдоль его спины, когда он огляделся в давным-давно неприкосновенных

покоях. Комната была холодной и гнетущей, совсем как человек, который когда-то обитал в ней. Несмотря на теплый яркий балдахин и многочисленные подушки из бархата и шелка, постель, точно так же как и вся спальня, оставляла впечатление могилы. Кроме того, эта комната была свидетельницей изнасилования благой королевы, равно как и зачатия Ниалла и его брата, а также их последующего рождения. Эти стены помнили ту ночь, когда мать Ниалла сбежала из Неблагого Двора, забрав с собой его брата-близнеца, который был копией светлой королевы и воплощением ее благих деяний. Тогда мать бросила Ниалла, как две капли воды похожего на своего отца, оставив расти здесь, на попечении человека, слывшего не кем иным, как буйным умалишенным.

В этой комнате царило отвратительное, грязное прошлое, но, лишь погрузившись в его темные тайны, можно было отыскать способ положить конец закланию.

Ниалл бросил взгляд на массивную кровать, простыни цвета слоновой кости, смятые и свисавшие к полу, и перед его мысленным взором предстал образ короля — умирающего, передающего Ниаллу власть над двором, для которого не существует надежды. Двором, оскверненным грехами его отца.

Словно шепот, струившийся сквозь потертые от

старости балдахины, Ниалл слышал раздававшееся вокруг бормотание о проклятии, словно кто-то напоминал ему о том, о чем он и так уже знал, – о тяжелом наследстве гнева его матери. Все это словно чернилами вывелось на коже Ниалла, поскольку те слова и материнское заклятие давно запечатлелись в каждой частичке его существа.

Мать... Ниалл взглянул на портрет, висевший над кроватью отца. У Айны были серебристые волосы и фиалкового цвета глаза – Ниалл унаследовал ее глаза. Айна происходила из двора солнечного света и радости, а его отец – из двора ночи и плотского греха. Дуир был олицетворением мира мрачной красоты и эротической чувственности, а мать Ниалла была зеркальным отражением темного мира. Но это короля совершенно не заботило. Владевшее Дуиром вожделение было настолько сильным, что он похитил Айну прямо из ее постели, пока она спала, и вынудил ее принять его плоть. Отец Ниалла, в своем ошибочном, самонадеянном неблагom неведении, был убежден, что может заставить Айну полюбить его с помощью секса.

Но мать Ниалла так никогда и не смирилась со своей участью. Точно так же, как и Гертруда, которая никогда не смягчилась в ответ на чувства Айриэна.

Ненависть и месть Айны были направлены против

всего темного королевства. Ни одного смертного или бессмертного нельзя было привести к Неблагому Двору против воли и заставить полюбить темного мужчину-фею. Они должны были прийти сюда по своему собственному желанию. Должны были отдать их тела и души без принуждения, добровольно. И было совершенно очевидно, что ни одна женщина не захотела бы Ниалла или любого другого представителя темных сил, как только он раскрыл бы, кем на самом деле является. Сказочной красоте феи противостояли все грехи мира. Похоть, гордыня, зависть, чревоугодие... все семь, по одному на каждого из волшебных принцев, снедаемых пороками. Грехом Ниалла был гнев, и сегодня вечером ярость постепенно закипала в его душе. Король хотел мести – кровавой и беспощадной, он жаждал наказать свою мать, своего брата-близнеца и весь Благой Двор.

– Скажите мне как, – хрипло прошептал Ниалл. – Как мне лучше сделать это?

Он надеялся, что духи – как злобные, так и милостивые – те, что часто появлялись в этой спальне, услышат его.

– Скажите мне, как снять это убийственное проклятие и спасти мой двор от катастрофы!

Шепот, едва слышимый, пронесся мимо Ниалла. Какое-то движение у книжной полки привлекло его

внимание. Трепещущий пергамент, окаймленный сусальным золотом, вдруг слетел с полки на пол, заставив короля склониться над ним. Магическим образом изображение слов на древнем волшебном языке предстало перед глазами Ниалла, подарив ему надежду впервые с тех самых пор, как он занял трон Неблагого Двора.

«Тех возвышает грех, тех губит добродетель...»

Глава 2

Гластонбери, Сомерсет, Англия

1789 год, канун Белтейна²

Скалистая вершина холма возвышалась над древней подобно внушительному мегалитическому сооружению, сверкавшему на солнечном свете. На самом верху таинственной насыпи, как каменная игла, пронзающая облака, стояла полуразрушенная церковь Святого Михаила. Сельские жители веками уверяли, что там погребены король Артур и Гвиневра. Впрочем, некоторые твердо верили в то, что глубоко под волнистой зеленой травой, напоминавшей слои роскошного бархата, обитал народ фей. Поговаривали, что под этой травой, ниже вершины холма, расположен извилистый лабиринт склепов – магический путь в королевство фей.

Определенными ночами года, такими как сегодня, в канун Белтейна, завеса между бессмертным и смертным владениями делалась тонкой, и темные феи, все их красота и волшебство незримо появлялись среди

² Белтейн (Праздник костров, Вальпургиева ночь) – кельтский праздник, обычно празднуется 30 апреля или 1 мая, сопровождается языческими ритуалами. Считается, что в этот праздник становится активной всякая нечисть.

людей. Но Белтейн наступал лишь с приходом сумерек. До этого момента оставалось еще несколько часов. Смертные были свободны от фей. По крайней мере, пока.

Бросая восхищенный взгляд на таинственную и впечатляющую скалистую вершину, Честити лучше других знала, что нужно верить в сказки о Дине Ши. Народу фей.

Чувствуя, как ее неудержимо тянет к скалистой вершине холма, Честити крепче сжала пальцами в перчатках ручку своей плетеной корзины, словно пытаясь устоять перед соблазнительной красотой, пытавшейся околдовать ее. Люди верили, что эта скалистая вершина была частью владений Неблагого Двора – порочного, страшного королевства сказочных фей. Темных, нечестивых колдунов. Загадочно эротичных, призрачных, полных мрачной красоты сил, развращающих душу с помощью всевозможных неземных, греховных наслаждений, которых ни один смертный не мог и желать. Этим темным силам и их порочному очарованию Честити сопротивлялась всем своим существом. Глубоко укоренившееся в ее душе целомудрие яростно противилось им – похотливым, искушающим созданиям, которые похищали девственниц прямо из их постелей и силой овладевали ими.

Честити не должна была интриговать таинственная

вершина холма или заманчивая идея о существовании волшебного подземного королевства, которое и являл собой Неблагодой Двор. Напротив, воплощенной добродетели следовало отвергать все это. Ей стоило быть испуганной до глубины своей смертной души. И все же еле заметное, легчайшее возбуждение в своем женском теле Честити чувствовала лишь в те мгновения, когда ее взгляд задерживался на священном холме. Даже сейчас, когда она прогуливалась по главной улице Гластонбери со своими сестрами, ее пристальный взор был устремлен на скалистую вершину. И этот загадочный пейзаж в который раз отдавался слабым трепетом в ее теле. Честити ощущала чье-то теплое прикосновение, ее бедра немного дрожали. Только окутанная тайной вершина холма и мысль о темных мужчинах-феях заставляли ее чувствовать себя подобным образом. Возможно, эта ноющая в душе тревога объяснялась тем, что темные силы слыли олицетворением опасности. Они были противоположностью Честити во всех отношениях. Она считалась самой добродетелью, темные силы – воплощением греха. Тем не менее Честити не могла не признавать, что ее кровь начинала закипать всякий раз, когда она думала о них. И такая реакция возникала лишь при мысли о мужчинах-феях, грустно заметила про себя Честити. Смертные мужчины не вызывали в

ней никакого отклика, кроме необходимости поддерживать вежливую беседу и нелепого порыва скрыться под своей обычной маской целомудренного благочестия.

Словно подтверждая эти грустные мысли, Кейлеб Грэхем, сельский баронет, прошел мимо по улице, одарив Честити самой приветливой, обходительной улыбкой.

– Славного дня, леди, – пробормотал он, и в его голосе слышались типично мужские галантные нотки. – Леди Честити, – отдельно поприветствовал Кейлеб, сняв треуголку и учтиво поклонившись, – как восхитительно вы выглядите этим утром! Прогулка придала живительный румянец вашей коже.

Ни-че-го. Никакой реакции, даже слабейшего трепетания в животе. Честити слышала, как другие девушки из деревни – а особенно женщины постарше – говорили о красоте Кейлеба Грэхема. Его желанности. Честити прекрасно видела это и сама. Кейлеб был привлекательным мужчиной, его широкие плечи и грудь свидетельствовали о зрелой мужественности, которая так привлекала прекрасный пол. Но ничего типично женского не будоражило ее душу.

– Добрый день, сэр, – вот и все, что ответила Честити, неспособная вести непринужденную или оживленную беседу с представителями противоположного

пола.

Ах, как бы ей хотелось обладать подобным умением!

Честити не могла не заметить, как помрачнели глаза Кейлеба, когда он снова водрузил шляпу поверх своих каштановых волос. Отчужденность Честити была совсем не тем, к чему привык баронет во время болтовни с женщинами. Но Честити была благословлена отнюдь не даром умелого флирта. Она не знала, как заигрывать. Просто не понимала этого. Ее талантом была непорочность, чистота разума, души и тела. Честити слыла образцом праведности, считавшимся выше искушений смертного мужчины.

— Вы собираетесь присутствовать на общественной лужайке сегодня вечером? — Вопрос Кейлеба был адресован Честити, в то время как его взгляд прочно приклеился к ее глубокому декольте, которое она благоразумно прикрыла углом своей шелковой шали.

— Боюсь, нет. Прошу извинить нас, сэр, но мы должны идти по своим делам.

Прозвучавшее в ее голосе осуждение поразило Кейлеба, и его красивые черты исказило выражение уязвленного самолюбия.

— Что ж, тогда — хорошего дня, — проворчал баронет, и до слуха Честити донеслось его тихое брзжание: «Фригидная мегера!» Произнеся этот нелестный эпи-

тет придушенным шепотом, Кейлеб с досадой стукнул тростью о землю и пошел дальше по главной улице.

– Не обращай на него внимания, – тихо произнесла Пруденс рядом с ней. – Он ничего не знает о тебе, и его оценка ошибочна. Кроме того, я слышала о нем такие сплетни! Он – не тот, кто мог бы завладеть твоим сердцем.

Не сумев сдержать вздоха, Честити кивнула и в компании сестер продолжила прогулку по булыжной мостовой, погрузившись в оживленные хлопоты по приготовлению к Майскому празднику. Эта предпраздничная суэта помогла выбросить из головы неприятный диалог. Кейлеб был красив, так почему она не могла заставить себя смотреть на него – не говоря уже о том, чтобы разговаривать с ним? Честити всерьез опасалась, что была самой странной женщиной в христианском мире. И точно была непохожей ни на одну другую молодую леди из числа ее знакомых.

– Что и говорить, умеешь ты обращаться с противоположным полом! – захихикала другая сестра, Мэри. – Неужели это так трудно – одарить кого-то улыбкой?

Честити не поддавалась искушению затеять спор. «Да что знает эта Мэри!» – в сердцах подумала она. Сестра не понимала моральных страданий, терзавших Честити, боли, которую та ощущала, осознавая,

что отличается от других женщин. Интересно, как бы чувствовала себя Мэри, если бы узнала, что ей никогда не суждено испытать страстей, бушующих между мужчиной и женщиной?

— Ну же, Честити, ты могла бы хоть немного приободрить его! Кейлеб Грэхем вождедел тебя по меньшей мере год. Подари бедняге улыбку или, упаси боже, танец в бальном зале! Кто знает, возможно, тебе понравилось бы скинуть свою мантию непорочности.

— Прекрати, Мэри, — потребовала Пруденс. — Ты — просто вредина и злыдня! Ну а вдобавок не принято останавливаться посреди дороги и беседовать с мужчиной. Это выглядит неловко, даже пошло, и Честити была совершенно права, когда дала резкий отпор предосудительному поведению баронета.

Мэри метнула в Пруденс гневный взгляд.

— Приподнять шляпу и произнести вежливое «добрый день» — предосудительно? Вот это да, Пруденс, тебе пора перестать витать в облаках и начать жить в реальном мире! Клянусь, тебя хватил бы апоплексический удар, услышь ты некоторые вещи, которые нашептывали мне мужчины!

— Ну так что же, — весело произнесла другая сестра, Мерси, меняя тему разговора, — зайдем в пекарню и возьмем бэйквэлский пирог? Я куплю его, специально захватила свои карманные деньги.

Честити взглянула на свою самую младшую сестру. Мерси. Воплощение доброты, она пыталась сделать все возможное, чтобы помирить сестер, не говоря уже о том, чтобы сгладить неприятное, болезненное ощущение от колкости баронета Грэхема в адрес Честити.

— Пойдем, — взмолилась Мерси, — возьмем немного сладостей на всех, съедим по дороге домой!

— Собственно, нам не следует тратить время попусту, — ответила Честити. — Хотя... нет ведь ничего страшного в том, чтобы ненадолго задержаться и перекусить по дороге пирогами, не так ли?

Пруденс, вторая по старшинству, которая всегда была сдержанной и благоразумной, поспешила отказаться:

— На меня не рассчитывайте, благодарю вас. Но вы трое, разумеется, можете себя побаловать.

Честити понимающе кивнула и остановила взгляд на трех своих сестрах. Они были образцами совершенства. Все вокруг считали их прекрасными, просто безупречными. И все же каждая из сестер прекрасно знала, что окружающие желали быть кем угодно, только не такими, как они. Внешне сестры представлялись эталонами, неземными моделями идеала женщины. Внутри же были пустыми сосудами, пойманными в ловушку добродетелей, с которыми родились, чтобы служить их олицетворением.

– Что ж, тогда пойдемте, – сказала Мерси, успев удержать рукой свою шляпку, которую налетевший вдруг порыв ветра едва не сдернул с ее льняного цвета локонов. – У меня уже слюнки текут при мысли о пироге!

Всего через несколько минут они оказались в тесной маленькой пекарне, вдыхая свежие ароматы сдобной выпечки, миндаля и сливочной глазури.

– О, это божественно! – невольно пробормотала Честити. Реагируя на восхитительные благоухания, ее желудок громко заурчал. Или, возможно, решила Честити, бросив взгляд через плечо на ждущую у двери Пру, до нее донеслись призывы живота сестры, которые та так долго отрицала. Заметив голод в глазах Пру, Честити наклонила голову, показывая на деревянную полку с ожидавшими их бесчисленными угощениями. Но Пруденс поступила типично для себя: сжала губы и покачала головой. Возражение – это все, что знала Пру.

– Вот, – объявила Мерси, когда они вышли из пекарни, протягивая каждой из сестер по пирогу. Она купила порцию и для Пру, но когда та отказалась от яства, вручила пирог маленькой девочке. Малышка стояла рядом с матерью, торговавшей ирисками из плетеной корзины.

– О, спасибо, голубушка, – сердечно произнесла

женщина, когда ее дочь схватила пирог и с жадностью запихнула его в рот.

– Не стоит благодарности. Это ведь канун Майского праздника, – ответила Мерси, – он не был бы полным без бэйквэлского пирога.

Улыбнувшись маленькой девочке, Честити вдруг выхватила взором что-то сияющее, возникшее посреди дороги. Оказалось, ее внимание привлек мужчина верхом на чистокровном белом коне, украшенном блестящей золотой уздечкой.

Незнакомец отличался неземной красотой, он казался потрясающим, самым эффектным из всех мужчин, которых когда-либо видела Честити. Всадник был высоким и светловолосым, его одежда выглядела так, словно ее соткали из золотой осенней паутины. Наряд был отделан роскошной вышивкой, украшен слоями кружев и обтянутыми тканью пуговицами. Незнакомец не напоминал самодовольного павлина, подобно многим джентльменам, следовавшим последнему писку моды на кичливость. Каждой клеточкой своего существа он был мужчиной – требовалось особое мастерство, чтобы произвести подобное впечатление, достичь которого было почти невозможно в его искусно расшитом сюртуке и жилете.

Когда белый конь изящной рысью пробежал мимо, всадник перехватил внимательный взгляд Честити.

ти. Незнакомец почтительно склонил голову и двинулся дальше, заставляя пристальный взор Честити следовать за ним, пробиравшимся между телегами и каретами, которые заполнили главную улицу.

«Кто же это?» – спрашивала себя Честити, все еще замороженная незнакомым красавцем. Этот мужчина явно не жил в деревне. Иначе она обязательно заметила бы его раньше. Боже праведный, да все окрестные женщины только и твердили бы о нем! Честити наверняка увидела бы его в залах приемов, за чаем или ланчем – да где угодно!

Двигаясь вверх по крутому подъему дороги, всадник еще раз оглянулся на Честити через плечо. Он не уставился на нее, подобно другим мужчинам, со смесью любопытства и похоти. Он был джентльменом. Истинным, учтивым джентльменом.

Но потом незнакомец скрылся из вида, и Честити осознала, что отстала от сестер. Догнав их, она держалась позади, чтобы съесть свой пирог и подумать о незнакомом наезднике. Он держался так, словно был принцем. Настоящим принцем из древних времен, размышляла Честити, кем-то вроде отважного рыцаря, который ведет своих подданных на войну.

«Слишком затейливое, нереальное впечатление», – подумала Честити. Но что еще ей оставалось делать в жизни, как не тешить себя причудливыми

мыслями в ожидании неизвестного будущего?

– Общественная лужайка выглядит замечательно, не так ли? – завела разговор Мерси. – Обожаю Белтейн! Хотелось бы мне когда-нибудь поучаствовать в празднествах. Как я мечтаю пойти туда сегодня вечером! Погода просто восхитительна, а в небе будет висеть полная луна.

– Думаю, ничего страшного не случилось бы, если бы мы потанцевали вокруг майского дерева, – пробормотала Пруденс.

– Ты ведь знаешь, что случится, если я пойду на лужайку, – ответила Мерси, завязывая длинные розовые атласные ленты на своей шляпе. – Все в ужасе сбегут прочь, словно я – зачумленная.

Никто ей не ответил. Да и что они могли сказать? Это была чистая правда. Жители деревни отличались суеверностью, поэтому обходили сестер стороной. Единственными, кто не боялся разговаривать с ними, были чересчур смелые негодяи и развратники, которые хотели лишь немного поразвлечься – самым порочным образом. Эти распутные шутки были из разряда вещей, которые претили присущим сестрам добродетелям.

Но Мерси, с ее даром доброты, было намного проще смириться с их жребием в этой жизни. Ей было легче принять эту участь. По крайней мере, Честити

считала, что это именно так, ведь Мерси никогда не жаловалась, не сетовала на судьбу.

— Это даже лучше, что местные жители столь осторожны, — напомнила сестрам Пруденс. — Мы не похожи на остальных. И этот факт никогда не был столь очевидным, чем теперь, когда мы достигли периода женской зрелости.

— О, ради всего святого, — укорила Мэри, — не говори о нас, как об изгоях! Мы — не такие, сама знаешь.

Сестры направились вниз по главной улице, и Честити бросила взгляд на Мэри, самую старшую из них четырех. Мэри не походила ни на нее саму, ни на Мерси или Пру. Она была совершенно иной. За всю их жизнь так и не стало ясно, какой же именно добродетелью обладала Мэри. Она была отнюдь не покорной, значит, не была олицетворением достоинства смирения; это же касалось и милосердия, ведь Мэри была печально известна своей неуклюжей бестактностью, когда речь шла об участии. Возможно, она воплощала собой добродетель прилежания? Старшая сестра определенно обладала впечатляющим энтузиазмом, но только в том, что касалось представителей сильного пола и ее увлечения ими.

— Мы и есть изгои, Мэри. — Строгий голос Пру резко вторгся в мысли Честити. — Это — факт, который нельзя отрицать.

– Да ладно, у меня вообще нет никаких трудностей с поиском друзей, не важно, мужчин или женщин.

И в самом деле, проблем с общением у нее не возникало. Мэри всегда окружали мужчины, и это ничуть не удивляло: она была самой красивой из сестер. Несмотря на то что они родились друг за другом, разделенные считанными минутами, все были индивидуальны, ни одна сестра не походила на других. Мэри обладала потрясающими черными волосами и темными глазами. От ее экзотической красоты захватывало дух. Идя рядом со старшей сестрой, Честити не могла не замечать реакции на ее потрясающую внешность. Мужчины, судя по всему, предпочитали темное очарование Мэри светлым волосам и зеленым глазам Честити.

– Боюсь, вы все умрете старыми девами, – пожурив сестер Мэри. – Вы придаете слишком много значения тому, какими вам следует быть, вместо того, какими вы могли бы быть.

– Ты слышала хоть что-нибудь из того, о чем говорил нам отец? – спросила Пру, и в ее голосе отчетливо зазвучало осуждение.

– Я не верю в нелепые рассказы отца о королеве фей, наделившей его дочерьми, олицетворяющими добродетели. Это просто вздор!

Мэри никогда не верила в подобные вещи. Но в то

же время она источала безудержную радость и веселье. Старшая сестра неизменно была в настроении, когда какой-нибудь мужчина заходил в гости на чай или очередной повеса приглашал ее на танец. Мэри испытывала то, что никогда не доводилось изведать ее сестрам. Она чувствовала саму жизнь.

Возможно, если бы Мэри вынуждена была вести существование истинной добродетели, размышляла Честити, она невольно поверила бы в сказки о феях – или, по крайней мере, испугалась бы их.

– Если бы вы трое позволили себе покинуть имение, вы могли бы найти себе поклонников. Во всем виновата ваша чудаковатая природа, это она заставляет других быть настороже, только и всего. Улыбнитесь, пококетничайте, выставите напоказ немного лодыжки или груди в виде исключения, и вы удивитесь, какую реакцию это вызовет.

– Ты слишком вольно общаешься с окружающими, – предостерегла Пру. – Лучше быть сдержанной и спокойной.

– И скучной, как дьявол, – возразила Мэри. Это было прямое попадание в цель. Но Пру встретила ее атаку достойно, как, впрочем, и всегда.

– Ну-ка, прекратите, мы же сестры, – прошептала Мерси, беря под руки Пру и Мэри. – Разве мы не должны относиться друг к другу по-доброму?

– Я просто пытаюсь помочь, – презрительно фыркнула Мэри. – А все потому, что у меня нет ни малейшего желания наблюдать, как все вы закончите свои дни старыми девами, и лишь я буду той единственной, которая не станет сидеть в своей одинокой комнате, становясь такой же, как вы. Сегодня вечером я отправлюсь на лужайку, буду танцевать и поедать мясной пирог, а еще я собираюсь пойти на Майский праздник, как и все остальные молодые леди.

Пру покачала головой, и это не укрылось от старшей сестры.

– В этом нет ничего предосудительного, Пруденс, – резко бросила Мэри, – так что можешь спрятать свои поджатые губы и неодобрительно сдвинутые брови. Так что же, кто-нибудь составит мне компанию?

Ответом ей было дружное молчание.

– Так я и думала. Вы трое совершенно безнадежны.

* * *

Ветви трещали под копытами лошадей, показавшихся из опушки леса. Перед всадниками струился солнечный свет, просачиваясь сквозь шептавшие о чем-то листья. Несшиеся рядом с лошадьми гончие нюхали воздух, насторожив уши, темные, будто из обсидиана, глаза собак пристально наблюдали за

людьми, которые готовились к празднованию Белтейна.

Слова Ниалла, казалось, шепотом разносились вокруг всех них: «Тех возвышает грех, тех губит добродетель...»

– Ты веришь ему? Веришь нашему королю, что это проклятие будет снято, как только мы отыщем добродетели?

В ответ на вопрос Киана Тейн лишь пожал плечами и продолжил следить за четырьмя женщинами, которые приближались к ним, следуя вниз по дороге. Ниалл, король темных фей, был для Тейна еще и сводным братом. На правах старшего Ниалл всегда впускал Тейну, который был моложе на пять лет, благоговейный трепет. Сомневаться в Ниалле еще ни разу не доводилось, к тому же король обычно не ошибался. Их дела шли хуже некуда из-за проклятия, так почему нельзя было доверять Ниаллу и его мнению?

– Это кажется великой глупостью – придавать хоть какое-то значение словам поэта, – проворчал Ринион. – В конце концов, он – лишь человек.

– Шекспир, – хрюкнул Эйвери. – Меня заинтересовал только «Сон в летнюю ночь». Но тогда я был равнодушен к Титании.

– Точнее, к тому, чтобы трахать актрису из смертных, которая играет Титанию, – поправил Киан.

Тейн вскинул руку, чтобы заставить их шуточки смолкнуть. Указывая на женщин, он приказал всем замолчать, потом помахал рукой, чтобы скрыть их присутствие с помощью колдовских чар. Если женщины посмотрят вперед, на лежащую перед ними тропинку, они увидят лишь радужное мерцание солнечного луча, искрящегося сквозь деревья.

Убедившись, что их не смогут заметить или услышать, Тейн обернулся к своим спутникам.

— Ниалл не отправил бы нас сюда, если бы предполагал, что это было глупостью. Каждую сотню лет в смертном королевстве рождаются добродетели. Они уже появились на свет. И достигли совершеннолетия. Наш король верит, что это — единственный способ снять проклятие его матери, наложенное на наш двор.

— Ты думаешь, настала пора? — осведомился Эйвери, осаживая своего вороного коня. Женщины подошли уже совсем близко, и волшебная лошадь могла по запаху уловить их присутствие. — Прошло всего шесть месяцев с тех пор, как мы приходили сюда, чтобы похоронить женщину Айриэна.

— И ты похитил ту девицу из деревни! — в ярости бросил Киан.

Черт его побери, Киан явно намеревался затеять перебранку с Эйвери! Тейн метнул в своего брата-близнеца грозный взгляд, который тот, разумеется,

не преминул возвратить.

Подобно Ниаллу, Киан был темным принцем, одержимым смертным грехом зависти. От Тейна не укрылось завистливое выражение, мелькнувшее в глазах брата, когда тот впился взором в Эйвери, в котором прочно засел грех чревоугодия. Из них семерых Эйвери и Киан враждовали больше всего. Как воплощение зависти, Киан жаждал обладать всем, что было у Эйвери. И как хозяин чревоугодия, Эйвери всегда имел больше, покупал больше и стремился к большему, заставляя зависть Киана усиливаться и постепенно закипать. Это был замкнутый круг чревоугодия и зависти – страстей, которые невозможно было удовлетворить хоть когда-либо.

Проклятый с рождения, Тейн всегда сетовал на свою участь. И все же в моменты, подобные этому, он осознавал, что быть пожираемым похотью – настоящий подарок судьбы по сравнению с вечным желанием обладать тем, что есть у остальных, или неустанным стремлением приобретать все больше. Похоть, по крайней мере, можно было утолить.

– Она была соблазнительно-округлой, с сочными формами, – поведал Эйвери со зловещей ухмылкой, вспоминая девицу, которую он украл из деревни. Множество щедрых наслаждений содержались в этом лакомом кусочке! Я поделился бы ею, но она предпо-

чала быть с жадностью поглощенной кем-то сведущим в наслаждении, а не в зависти.

И он засмеялся, дразня Киана.

Тейн заставил своего коня встать между ними.

– Довольно. Между нами не должно быть разногласий. Мы оказались здесь ради наших душ, ради выживания нашего двора. Сейчас не до мелочной зависти и насмешек.

Киан бросил на него злобный взгляд, открыл было рот, чтобы возразить, но Тейн резко оборвал брата-близнеца:

– Мы не можем больше ждать. Мы должны найти – и овладеть – нашими добродетелями. Так что направь свои великолепные таланты на соблазнение, а не на колкости и обидные выпады.

– Чувствую, что действительно пора. Мы провели шесть месяцев в волшебном королевстве, это означает, что почти три смертных года прошло с тех пор, как мы видели воплощенные добродетели, – сообщил Ринион, носитель греха гордыни. – Значит, они уже совсем выросли. И к настоящему времени находятся в подходящем для соблазнения возрасте. Нет, я согласен с Тейном. Время пришло. Как сказал Ниалл, мы больше не можем ждать. Проклятие должно быть разрушено. К тому же нельзя исключать вероятность того, что наши враги из Благого Двора тоже могут искать

их, иметь на них виды. Нам нужно добраться до них первыми.

Тейн почувствовал, как тело свело мучительной судорогой при звуке женских голосов, которые проплыли над ними, лаская его кожу. Сидевшая у него внутри похоть тут же настороженно подняла голову, заставляя кровь закипать. Взгляд Тейна остановился на проходящих мимо четырех молодых женщинах, одетых в украшенные богатой вышивкой шелковые платья. Тейн тотчас понял, кем были эти четверо. Девушки из семейства Леннокс. Их добродетели.

Он без труда определил, какая именно добродетель была предназначена ему. Целомудрие – Честити. Олицетворение противоположности его греха притягивало Тейна, словно джин – пьяницу. Воплощенную невинность можно было как следует рассмотреть сейчас, когда она проходила мимо, совершенно не ощущая присутствия Тейна и других принцев в этом лесу, совсем рядом с тропинкой.

Тейна поразило то, что добродетель может быть двойственной. Думая о встрече с Честити Леннокс, он ожидал увидеть девицу с чопорно поджатыми губами и хрупким, костлявым телом. Но Честити не была чересчур хрупкой, да и ее черты не отличались строгостью. Ее лицо казалось воздушным, прямо-таки эфирным, сияющим целомудрием, но ее тело... Тейн оки-

нул жадным взглядом сочные, соблазнительные формы Честити и почувствовал, как его собственное тело реагирует типично мужским образом. Ее фигура была отнюдь не целомудренной. Ее формы приглашали к самым распущенным из фантазий, самым развратным из всех наслаждений. Стоило представить, что именно он и его грех могли бы сделать с этим сладостным телом, как Тейн покрылся потом под шелковым жабо и украшенными вышивкой жилетом и камзолом.

Честити Леннокс, осознал Тейн, должна стать восхитительной наградой. Он сгорал от нетерпения, желая коснуться ее, почувствовать ее в своих объятиях. Он не мог дождаться момента, когда сможет овладеть ею.

Тейн отбросил желания, которые настойчиво нашептывал его грех. Похоть была самостоятельной сущностью, жившей внутри его тела. Осознанной потребностью, которая при возбуждении становилась все более жаждущей и настойчивой. Потребностью, которая всегда желала секса и наслаждения. Дремавший у него внутри грех могло пробудить все, что угодно, — хорошенькое личико, пышная грудь или призывная улыбка. Черт возьми, кажется, даже дуновения сильного ветра было достаточно, чтобы дать выход сидевшему в нем греху.

Множество раз Тейну удавалось подчинять себе

грех – отчасти. Но, как темный мужчина-фея, Тейн обладал естественной склонностью к удовольствиям плоти. Что, разумеется, приходилось весьма кстати для похоти. Греха, который крайне редко оставался неудовлетворенным и сгорающим от нетерпения.

Но сейчас Тейн был именно таким. И все же осознавал, что не может позволить греху управлять собой. Пока не может.

Случалось, что грех брал верх настолько, что Тейн не находил в себе сил, чтобы остановить его влияние. Выходя на первый план, похоть становилась мощным созданием, которое мешало Тейну так, словно и в самом деле жило обособленно, почти как отдельное существо. Обычно похоть тихо сидела внутри его. Тейн знал о присутствии греха только по мыслям и желаниям. Но стоило его неблагой крови закипеть от страстной потребности, как похоть стремительно вырывалась на волю, и ничто, совершенно ничто не могло остановить ее. Воспоминания о былом распутстве замелькали в сознании Тейна. Что ж, теперь придется довольствоваться этими воспоминаниями. Похоти придется научиться питаться ими, пока Тейн не добьется непорочной Честити.

– Это они, – пробормотал Эйвери, облизав губы, которые были неприлично эротичными для мужчины, а тем более для феи. – И один лакомый кусочек луч-

ше другого, – промурлыкал он, пожирая всех четверых плотоядным взглядом. – Только представьте их при нашем дворе, окруженных всеми видами порочной роскоши! Какими сокровищами они будут! Я испытую огромное, ни с чем не сравнимое удовольствие, когда продемонстрирую им, каким может быть истинное чувственное блаженство.

Похоть начала закипать внутри Тейна, заставляя все тело содрогаться. Грех заставлял обижаться на Эйвери и его гедонизм, на то, что его так занимали раздумья, каково это было бы – вкусить прелестей Честити. Эйвери был безнадежным обжорой, вечно неудовлетворенным, вечно жаждущим, вечно нуждавшимся в большем. Тейн знал, что Честити наверняка стала бы самой манящей, самой желанной утехой для Эйвери и его греха.

– Скажите-ка, а кто это, с зелеными глазами? – с явной завистью спросил Киан.

Тейн решил не обращать внимания на своего брата-близнеца, попытавшись взять под контроль непокорные мысли. Но стоило посмотреть на черные радужные оболочки глаз Эйвери, которые теперь были окаймлены фиолетовым, на его расширившиеся от неудержимого желания при взгляде на Честити зрачки, как с губ скорее порывисто, чем сдержанно сорвалось:

– Братья, я оставляю вас вашим добродетелям.

Мановением руки Тейн заставил завесу чар феи пасть.

Он пустил коня вперед и резко остановился рядом с сестрами Леннокс.

– Доброе утро, леди, – сказал Тейн, отчаянно сопротивляясь настойчивому желанию схватить Честити и усадить ее к себе на колени. Он не мог похитить ее. Только не в том случае, если хотел разрушить проклятие. Честити должна прийти к Неблагому Двору добровольно. Она должна отдать себя и свою душу Тейну по собственному желанию, он не может забрать все это силой. Тело Честити должно стать подарком Тейну, поэтому необходимо ждать, пока он не получит это бесценное подношение.

– Сэр, мы с вами не знакомы, – произнесла одна из сестер пухлыми, но крепко сжатыми, превратившимися в тонкую бескровную ниточку губами.

«Умеренность», – решил Тейн, перехватив осуждающий взгляд девушки, когда она с сестрами проследовала мимо него.

Соскочив с коня, Тейн взял узды в обтянутые перчатками руки и последовал за добродетелями.

– Тогда позвольте мне это исправить, – отозвался он, отвесив вежливый поклон.

– Пойдемте. Сейчас же, – пробормотала все та же

строгая девица, подгоняя трех других сестер по дорожке, словно Матушка Гусыня, собирающая цыплят при приближении лисы.

– Пру, бога ради! – тихо произнесла одна из них, остановившись и приседая в реверансе. – Не будь такой грубой!

Когда приветливая сестра подняла взгляд, Тейна поразила темнота ее глаз и ониксовых локонов, которые танцевали на ветерке, выбиваясь из-под соломенной шляпы.

– Я – Мэри Леннокс, – сообщила девушка. – А это моя сестра Пруденс, моя другая сестра Мерси и... – Она посмотрела на соломенные шляпы и ниспадавшие мягкими складками шелковые шали, колыхавшиеся на майском ветру. – ...та, что прячется позади них, Честити.

Тейн обменялся взглядами с олицетворявшей целомудрие сестрой и оказался сражен очарованием ее зеленых глаз. Он ощутил внутри мгновенный жар вспышки необузданного желания. Похоть хотела Честити. Хотела очень сильно. Тейн улыбнулся, вспомнив, что пытается изображать смертного джентльмена. Обычно темный принц творил что хотел. Манеры, принятые при их дворе, отличались от нравов смертного королевства. Но если бы Тейн вел себя сейчас как темный мужчина-фея, он никогда не получил бы

шанс добиться Честити и вкусить все прелести ее капитуляции.

– Весьма польщен. – С глубоким поклоном он снял шляпу и прижал ее к своему сердцу. – А я – Тейн.

Он прикинулся паинькой, старательно строя из себя джентльмена. Но все напрасно: Честити едва взглянула на него, и определенно в ее взоре не было ничего, что можно было бы счесть ответным страстным желанием.

В этот самый момент волшебной гончей Тейна вздумалось стремительно выбежать из леса. Огромный и сильный, пес издал самый заунывный звук, который только слышал принц. Это было нечто среднее между воем и рычанием.

– Бел, хватит! – скомандовал Тейн. Указывая на место у своего сапога, он приказал собаке сесть. Но Бел обладал собственным мнением на сей счет и вместо этого принялся обнюхивать женские юбки, подсовывая нос под подолы. «Вот счастливчик!» – весело подумал Тейн, но вдруг услышал за спиной испуганный тихий голос.

– Не подходи! – В дрожащем голосе зазвучали панические нотки. Это умоляла Честити.

– Бел, – укорил Тейн, обойдя женщин и приблизившись к своему псу.

Честити теперь оказалась совсем рядом, она под-

няла на принца глаза, в которых читался явный ужас.

– Он настроен дружелюбно, – поспешил успокоить Тейн. – На самом деле это всего лишь щенок, просто более любопытный, чем остальные.

Честити со страхом смотрела на пса, и Тейн заметил, как сильно дрожат ее плечи.

– Я... я не люблю таких чудовищ.

Тейн невольно задался вопросом, можно ли его самого отнести к чудовищам. Темные феи определенно были известны своими чудовищными страстями.

– Бел – какое необычное имя для собаки! – сказала та, которую звали Мерси. Она протянула свою одетую в перчатку ладонь, и Бел вприпрыжку подбежал к ней, принявшись обнюхивать и лизать кожу.

– Это – старое гэльское имя, означающее «сияющий». Он назван в честь кельтского бога солнца и исцеления.

Мерси наклонилась и погладила Бела по чистой белой шерсти.

– Боюсь, Честити – не главная любительница животных в семье.

А вот это, мелькнуло в голове Тейна, могло стать чем-то вроде проблемы. Феи жили в лесу, в окружении природы и всех ее творений. С таким страхом Честити перед зверями будет очень трудно убедить ее прибыть к Неблагому Двору и остаться там навсегда.

Понимая, что лучше отвести разговор подальше от опасной темы животных, и замечая все возрастающий страх Честити перед рьяно обнюхивающим сестер Белом, Тейн спросил:

– Вы, случайно, направляетесь не на Майский праздник?

Он показал на деревенскую лужайку, украшенную для Белтейна. За пределами лужайки, у руин древнего аббатства, виднелась груда веток и бревен, подготовленных для разжигания традиционного для Белтейна костра.

– Нет, не туда, – отрывистым тоном произнесла сестра по имени Пруденс. – Что ж, до свидания, сэр.

Тейну оставалось лишь смотреть вслед четверем молодым женщинам, которые отправились дальше по тропинке. Вдали высилась скалистая вершина холма, у подножия которого располагалась усадьба с величественным замком, достойным герцога. Это было имение семьи Леннокс. И дом Честити. Тейн даже знал, где находится окно ее спальни.

Несмотря на холодную реакцию Честити, он не был расстроен. Похоть знала, как сокрушить любые защитные бастионы. Тейн почти мог ощутить сладость капитуляции Честити на кончике своего языка. Мысль о сексуальном пробуждении воплощавшей целомудрие девушки возбуждала его, вызывала у него го-

лод, который невозможно было утолить любой из его предыдущих побед. Похоть, казалось, всеми силами жаждала развратить невинную Честити, причем самыми порочными способами. Но не только его грех столь страстно желал ее. Тейн и его темная неблагая кровь тоже хотели Честити.

Позволив взгляду задержаться на желанной добыче, Тейн проследил за чопорной и манящей Честити, которая не спеша проследовала вниз по дорожке к своему дому – к безопасности. Но Честити Леннокс нигде не могла быть в безопасности от Тейна – от страстного желания, которое неудержимо росло в нем.

Каждую сотню лет в смертном королевстве появляются на свет семь добродетелей, напомнил себе Тейн. Честити родилась для него, чтобы насытить живший у него внутри грех. Эта женщина была создана исключительно для утоления его сексуальных appetitов, и осознание того, что она – его, предназначенная только для него, казалось чувством намного более сильным и важным, чем оргазм.

Боже, как же Тейн хотел ее! С какими нетерпением и страстью он овладел бы ею!

На прощание бросив на Тейна бесстыдный взгляд, темноволосая Мэри улыбнулась ему через плечо. Темный принц расплылся в ответной улыбке, раз-

мышляя, сколько же пройдет времени, прежде чем Честити улыбнется ему точно так же игриво, как ее сестра.

– Даже не мечтай о ней, – бросил Ринион, показавшись из леса и встав рядом с ним. – Она – моя.

Тейн взглянул на мужчину-фею, заключавшего внутри себя грех гордыни. Ринион был удивительно красив. Женщины падали к его ногам. Тейн оглянулся на темную и экзотическую Мэри, попытавшись представить ее вместе с Ринионом. Удачно сложилось, что эта прелестная маленькая распутница была предназначавшейся ему добродетелью. Она заставила бы его устроить чертовски нескучную охоту, а Ринион не заслужил чего-то меньшего.

– Меня совершенно не интересует твоя добродетель, Ринион. Я жажду свою собственную.

Воплощенный грех гордыни засмеялся, теребя свое безукоризненно завязанное кружевное жабо.

– И она смотрела на тебя с такой же страстью в глазах, как мужчина – на затраханную до полусмерти шлюху.

– Она целомудренна! – огрызнулся Тейн, поймав себя на том, что почти прорычал последнее слово.

– Бедняга, – пробормотал Ринион, пуская своего коня вперед. – Моя добродетель – смирение. Я уже сгораю от нетерпения, мечтая увидеть мою дерзкую дев-

чонку на коленях! Она покорится, в этом я не сомневаюсь, но мне так хотелось бы заметить в момент подчинения этот игривый, озорной отблеск в ее темных глазах! Что ж, мне пора. Меня ждет добродетель, которую я должен совратить.

Тейн потянул за узды лошади Риниона, заставляя ту резко остановиться.

– Помни о проклятии. Нужно соблазнить их. Овладеть этими добродетелями, но не вынуждать их следовать за нами ко двору.

Бровь гордыни взлетела вверх, отчего Ринион стал казаться даже более привлекательным.

– Та маленькая распутница буквально молит меня об этом! Я приведу ее к нам, она окажется при дворе с раскинутыми бедрами еще до полуночи!

Чуть пришпорив коня, Ринион заставил его понестись вперед, но не в направлении женщин. Вместо этого грех гордыни легким галопом поскакал по открытой равнине, которая когда-то была болотистой местностью, и устремился к большому особняку. Ринион был дураком, если считал, что может въехать верхом в ворота, заявляя свои права на самую старшую дочь Леннокса. Добраться до девушек, даже оказаться в пределах досягаемости, считалось весьма непростой задачей. Джордж Бакмен, герцог Леннокский, был печально известен своей неуступчивостью, когда речь

заходила о ком-то приближавшемся к его дочерям с приглашением на танец, не говоря уже об идее поухаживать за ними.

Позади зашелестели деревья, и в следующее мгновение по бокам Тейна появились Эйвери и Киан.

— Что же дальше?

Тейн выдернул черную атласную ленту из своей косы, позволив длинным темным волосам разлететься на ветру. Он вслушивался в звуки леса, в скрип ветвей деревьев и шорох мерцающих листьев. Глядя на скалистую вершину, он представил свое королевство, расположенное под холмом, и извилистые лабиринты, которые вели в магический потусторонний мир, туда, где среди волшебного леса и колдовских вод раскинулся Неблагодвор. Обителем Тейна был этот сказочный мир, находившийся под землей, под основанием людского королевства. Двор, который напоминал нечто из смертных артуровских легенд. Двор, который был щедро, даже с избытком одарен золотом и мрамором, шелками и бархатом. Двор, который был проклят и погибал. Двор, который так отчаянно нуждался в уготованных для принцев добродетелей.

— Пока нам остается только ждать, — возвестил Тейн. — И наблюдать.

«А еще — страстно желать», — добавил он про себя, ощущая жжение в чреслах и голод в животе.

Собрав узды, Тейн повернул коня как раз вовремя, чтобы заметить одного из них – светлого мужчину-фею, галопом мчавшегося по поросшим травой холмам.

Кром.

Стоявшие рядом Эйвери и Киан напряженно застыли на месте. Что же брат-близнец Ниалла делает здесь, да еще и так близко к имению Леннокса?

– Черт возьми, – прошипел Киан, его голос был полон злобы, – благой тоже хочет овладеть ими!

Глава 3

Сидя за своим огромным столом в стиле рококо, герцог Леннокский сосредоточенно изучал разложенные перед ним бумаги. Их принес тем же самым утром гонец, посланный управляющим герцога. Пробежав глазами последнее предложение, Леннокс откинулся на спинку кресла и улыбнулся. Все, похоже, было в порядке. С прошлого года и без того внушительное состояние герцога удвоилось, что сделало его одним из самых богатых землевладельцев Англии. «Проклятая магия фей!» – подумал он и, громко рассмеявшись, потянулся к хрустальному графину с чистейшим коньяком. Держать в доме французский напиток было, разумеется, незаконно, ведь Англия находилась в состоянии войны с Францией. Но на свете существовало совсем мало вопросов, которые не могли решить деньги герцога – контрабанда коньяка явно была не из их числа.

Налив золотистую жидкость в бокал, Леннокс удобно устроился в кресле и довольно улыбнулся. Власть, честолюбие, богатство – всего этого у него было в избытке. Наконец-то. И все, что требовалось от него за это, – выполнение небольшого соглашения. Уплата десятины, как называли это феи.

– Ваша светлость, – тихо произнесла его герцогиня, прошелестев в открытую дверь кабинета. – Прибыли счета за приданое девочек.

Подавшись вперед, Леннокс помахал герцогине, жестом пригласив ее войти в комнату. После всех этих лет брака он все еще трепетал от благоговения перед ее ослепительной красотой.

– И во что же мне обойдется их приданое?

– Во внушительную сумму, – ответила герцогиня и улыбнулась, когда Леннокс схватил ее руку и коснулся губами тонких пальцев. Герцогиня вспыхнула, как девчонка. Она была столь же красива, как в тот день, когда Леннокс впервые положил на нее глаз. Помнится, он так сильно ее хотел! И с тех пор его страсть не остыла. Ничто не могло остановить герцога от обладания самой желанной женщиной. В сущности, преград и не возникло. На его пути оказалось лишь одно особенное препятствие, с которым пришлось справиться, – впрочем, ничего по-настоящему серьезного. – Модистка замечательно поработала, подготовив для них такой гардероб! – восхитилась жена Леннокса. – Подождите немного и сами увидите девочек в их новых платьях! Миссис Хартвелл так умело обращается с цветом и драпировкой! И кружево, – продолжила восторгаться герцогиня, которую буквально распирало от гордости, – кружево на их манжетах по мень-

шей мере три дюйма толщиной и так тонко сплетено! Ума не приложу, как она умудряется создавать такие платья!

Леннокс не хотел портить этот глубоко личный момент уединения с женой пустой болтовней о деревенской модистке.

— Никак не пойму, почему бы тебе не выписать модистку из Лондона, чтобы она смогла обеспечить надлежащее приданое, — проворчал он, думая о женщине, державшей единственный в Гластонбери магазин одежды. — Ты знаешь, как я обожаю своих девочек, мне ничего для них не жалко! Я хочу, чтобы у них было все только самое лучшее.

— Мне нравится наша скромная маленькая модистка, — объяснила жена. — И ее платья выглядят так, словно были разработаны и сшиты в Париже, а не в Гластонбери. Кроме того, наша модистка довольно одаренная.

Герцог вопросительно выгнул брови:

— В каком смысле?

— Деревенские жители говорят, что ее благословили феи. По слухам, — еле слышно произнесла жена, наклоняясь к нему, — ее платья так блистательны, ее швы так утонченны, а ее кружева так красивы, потому что феи приходят к ней по ночам и выполняют ее заказы.

Какая душераздирающая история, в самом деле!

– Поговаривают, – продолжила супруга, шепча герцогу на ухо, – что наша маленькая деревенская модистка с радостью вознаграждает фей за услуги их любимой валютой.

– Чувственными удовольствиями?

– Медовым молоком.

Поглаживая жену по мягкому месту, Леннокс ода-рил ее сладострастной улыбкой:

– Как мало ты знаешь о феях, дорогая, они навер-няка предпочли бы траханье меду!

Его вульгарное замечание заставило герцогиню по-краснеть.

– Над чем вы работаете? – спросила она, проли-стывая беспорядочно разбросанные по столу бумаги.

– Пустяки, ничего из того, чем тебе следует заби-вать голову, дорогая, – ласковым тоном произнес Лен-нокс.

Собрав бумаги, он положил стопку подальше от же-ны. В этих документах были перечислены инвестиции герцога, и некоторые из них были весьма сомнитель-ны, если не сказать больше. Ленноксу совсем не хо-телось, чтобы жена обнаружила, как ему достались звонкие монеты. Ее светлость вряд ли отреагирова-ла бы спокойно, если бы узнала: эти драгоценности, украшающие ее шею, были куплены благодаря фи-

нансовому вложению супруга в печально известный публичный дом, который обслуживал как людей, так и фей.

— Ваша светлость... — осторожно покашлял у двери дворецкий. — К вам визитер.

— Кто это, Солсбери? — пробурчал герцог, не желавший, чтобы его беспокоили. Жена, теперь сидевшая на коленях Леннокса, будила в нем самые приятные чувства, а мысли о «Нимфе и сатире», том самом публичном доме, и всех тех эротических, распутных наслаждениях, которые можно было там найти, возбуждали его. Внезапно герцог поймал себя на том, что размышляет, каково бы это было — овладеть женой и маленькой наложницей-феей, умело удовлетворяющей его мужские потребности. Он слышал, что волшебные сущности, особенно темные, могли трахаться чертовски хорошо. Вероятно, Ленноксу стоит съездить в город и понаблюдать за такой вот волшебницей-феей и ее любовником в дверной глазок, скрыв свое присутствие. Герцог мог бы проверить эту теорию и лично убедиться в том, действительно ли сказочные существа столь жадны до сексуальных ощущений. И быть может, он даже испробовал бы одну чувственную феечку, позволив ей поскакать на своем члене.

Какое восхитительно распутное и приятное время-

препровождение! Порочность казалась здоровым качеством, которое помогало подпитывать мужскую силу сейчас, когда его возраст приближался к пятидесяти, и не было на всей земле более развратного места, чем «Нимфа и сатир».

– Ваша светлость?

– Кто там еще? – недовольно прорычал герцог, продолжая плавно скользить ладонью по округлым ягодицам жены.

– Он отказался назвать свое имя, ваша светлость. Он лишь просил передать вам, что пришло время платить.

Леннокс тут же отстранился от супруги. Все мысли о нимфах и феях, будившие сексуальные желания, мгновенно вылетели у него из головы. Черт возьми, как же он не хотел, чтобы Солсбери произнес хотя бы еще одно слово! К счастью, дворецкий верно истолковал суровый взгляд хозяина.

– Это, наверное, Араун, – пробормотал герцог, снова принявшись похлопывать по бедру жены. – Вечный проказник этот Араун! Он, должно быть, хочет пригласить Пру на прогулку верхом – или что-то в этом роде.

– Что ж, тогда я оставляю вас наедине, ведь вам нужно уладить с Арауном детали его ухода за Пруденс, – ответила послушная жена герцога, соскальзывая с его коленей и расправляя юбки с кринолином. –

Кстати, донесите до лорда Арауна подходчивее, что ему никогда не удастся снискать мое расположение, если я еще раз услышу, как он говорит о любой из моих девочек в подобной манере. Говорить об оплате можно лишь применительно к товарам, ваша светлость. Наши дочери – не вещи, которыми можно торговать.

– Конечно-конечно, – отозвался Леннокс, выпроваживая супругу из кабинета взмахом руки. – Мне и в страшном сне подобное не привидится!

И герцог не кривил душой. Видит бог, он любил своих дочерей и всегда хотел для них только самого лучшего.

Проследив взглядом за выходящей из комнаты женой, Леннокс впился глазами в дворецкого. Черт возьми, герцог прекрасно знал, что это не Араун явился к нему с визитом. Леннокс мог предположить, кем был этот незванный гость, и ему требовалась пара секунд, чтобы разработать план действий. Сейчас он думал лишь о своих девочках, которые беззаботно хихикали наверху и от души развлекались, разглядывая содержимое коробок с новой одеждой и нижними юбками, чулками, лентами. Леннокс должен был защитить дочерей любой ценой.

Прокашлявшись, он спросил:

– Как выглядит этот человек, Солсбери?

Дворецкий нахмурился:

– Довольно странно, ваша светлость. Я никогда не встречал его прежде. Он высокий, светловолосый... смотрится прямо-таки по-королевски, и все же довольно пугающий субъект.

Леннокс почувствовал, как пересохло горло – непонятно, то ли от облегчения, то ли от дурного предчувствия.

– Пригласи его сюда, – приказал он, – и не позволяй никому нам мешать.

Словно по волшебству позади дворцового вдруг появился незнакомец, безмерно напугав слугу. Впрочем, Солсбери быстро пришел в себя, и к нему вернулась прежняя самоуверенность.

– Его светлость примет вас прямо сейчас.

Мужчина влетел в кабинет и громко захлопнул за собой дверь. На протяжении нескольких секунд, показавшихся вечностью, пронизательный взгляд фиалковых глаз визитера сверлил Леннокса, который с трудом подавил в себе настойчивое желание ослабить свое жабо.

– Джордж Джаспер Бакмен, пятый герцог Леннокский? – осведомился незнакомец, усаживаясь в кресло с гобеленовой обивкой перед широким столом.

– Да, – ответил Леннокс, на лбу которого выступили капельки пота.

– Меня послала королева Айна.

Герцог почувствовал, как кровь отхлынула от его лица. Незнакомец улыбнулся и потянулся к бокалу коньяка, который только что налил Леннокс. Поднеся хрусталь к губам, незванный гость сделал глоток, и в его глазах тут же отразилось недовольство.

– Королева Айна? – рассеянно переспросил Леннокс.

– Вы получили дар от моей матери, не так ли?

– Я? – все так же туманно произнес герцог, старательно изображая скуку. – Боюсь, я не помню, чтобы меня когда-либо представляли королеве Айне.

Визитер подался вперед, его странные глаза потемнели.

– Она нашла вас плачущим над колыбелью, в которой лежал уродливый и слабый маленький несчастный ребенок. Ваш наследник, как я полагаю.

Роберт. Его сын. Его наследник. Да, герцог действительно был отцом бедного крохи с искривленным телом. Хромого, искалеченного. Однажды ночью Леннокс блуждал по детской – это была ночь первого дня рождения сына – и горько рыдал, наблюдая за спящим малюткой. В этот момент и появилась королева. Прекрасная королева светлого двора фей. Она предложила убитому горем Ленноксу исполнить его самое заветное желание – исцелить сына. Обрести здорово-

го наследника, который однажды, когда отец покинет этот бранный мир, сможет получить принадлежащий ему по праву титул герцога. И попросила-то за эту милость королева всего лишь десятину, выплатить которую следовало позже.

С того загадочного визита минуло двадцать пять лет. Леннокс никогда больше не видел королеву, не получал от нее вестей. У него родилось четыре дочери, как и предсказывала Айна. Они оказались добродетельными девушками – в этом королева тоже не ошиблась. Герцог согласился на все, и Айна сделала Роберта сильным, красивым – и, главное, здоровым.

– Ваш наследник наслаждается обеспеченной, полноценной жизнью, не так ли? – поинтересовался незванный гость, удобно устроившись на кресле. – Я слышал, он недавно женился.

Леннокс подчеркнуто не обратил внимания на странный тон собеседника. Герцог ощетинился и бесстрашно встретил острый взгляд незнакомца.

– Изложите свое дело.

– Пришло время заплатить десятину.

– Сколько? – спросил Леннокс, потянувшись к ящику стола за чековой книжкой.

Визитер рассмеялся и положил одну из своих длинных ног на другую.

– Королеве не нужны ваши смертные деньги. Един-

ственное, чего она желает, – это ваши дочери.

– Все дочери? – не веря своим ушам, сощурился герцог.

– Все четверо.

Потянувшись к коньяку, Леннокс залпом проглотил все содержимое бокала. Черт побери, ситуация становилась все хуже и хуже! Герцог и представить себе не мог, что королева потребует взамен его дочерей. Проклятие! Он уже заключил сделку с другим неземным созданием по поводу одной из дочерей. Именно благодаря этому соглашению Леннокс и получил свое богатство. Он хотел для своих дочерей лучшего, а перед тем, как к нему явился тот мужчина-фея, кошелек герцога был пустым, а бремя долгов – тяжелым. Поэтому-то он и заключил еще одну сделку – на сей раз из-за золота, ради счастья и спокойствия дочерей.

Боже, подумать только – Леннокс был человеком, которому за свою жизнь довелось встретиться с феей, причем не один-единственный раз, а дважды! И оба раза проклятые сущности знали, чего он хотел.

– Королева требует, чтобы вы отвезли девушек в Лондон. Оставаться здесь для них небезопасно.

– Ну а теперь послушайте! – потеряв терпение, взревел Леннокс. – Я очень хорошо забочусь о своих дочерях, и нет ничего на этом белом свете, чему я позволил бы навредить им!

– Вы, ваша светлость, не в силах остановить тех, кто придет за ними.

– Чушь! – прогремел он, стараясь не поддаваться панике. – Нет ничего, что не могли бы купить богатство и влияние. Здесь, под моей защитой, девочки в полной безопасности.

– Другие собираются прийти за ними. И уверяю вас, от них нельзя будет откупиться. Ваши богатство и влияние ровным счетом ничего для них не значат. Вы должны как можно быстрее увезти своих дочерей. Медлить нельзя. Ваш сын и его жена дают бал сегодня вечером, не так ли?

Леннокс сощурился, обескураженный незнакомцем – этим... созданием, которое откуда-то знало о таком обыденном, но все-таки глубоко личном, как сын герцога и бал-маскарад, который тот устраивал.

– Я прав, ведь так? Ваш сын дает пышный прием в Лондоне.

– Эй, послушайте-ка! Я не собираюсь укладывать в чемоданы весь дом и сегодня же уезжать в Лондон. И разумеется, мы не будем делать это во время бала.

– Вы знаете, кто я? – спросил незнакомец. Вид у него был скучающий, но голос оставался резким, предупреждающим.

– Один из них, – рассеянно пробурчал Леннокс, лихорадочно обдумывая возможные выходы из этой

неразберихи. — Как и она, Айна.

Незнакомец улыбнулся:

— Совершенно верно. Я — Кром, сын королевы.

— Приятно было с вами познакомиться. Солсбери проводит вас до дверей.

Две огромные ладони громко хлопнули по отполированной до блеска поверхности из розового дерева, и Леннокс чуть не подскочил на месте от испуга и неожиданности.

— Ваша светлость, вам не удастся меня одурачить. Я уже начинаю терять терпение. Вы возьмете своих дочерей и покинете Гластонбери. Сегодня.

— Мы никуда не уедем во время бала, — повторил герцог, — и я не допущу, чтобы моя семья тряслась по дорогам в крошечной ночной тьме. Жулики выходят на охоту, как раз когда в темном небе появляется луна. Это настоящие варвары, сэр. Разбойники, с которыми я не имею ни малейшего желания встречаться по пути. Только представьте, что сделают эти ублюдки, когда найдут в карете моих дочерей и жену!

— Вы готовы рискнуть моим самообладанием и моей значительной властью из-за жалкого придорожного грабителя?

Уловив угрожающие нотки в тоне гостя, Леннокс рассвирепел:

— По-вашему, ничего не будет! Только не сегодня.

– Я обладаю могучими силами, и отправить вас в Лондон до бала не станет для меня серьезной проблемой.

– И что, по-вашему, я скажу своей жене?

– Объясните ей это так, как сочтете нужным. Мне все равно. Просто увезите девочек отсюда. Те, другие, уже обнаружили близкое присутствие ваших дочерей. Их не остановит ничто, они жаждут обладать добродетелями. Они безжалостны. Озлоблены. Опасны.

– Другие, вы говорите? – уточнил герцог, снова поднимая взгляд на нависавшего над его столом окутанного золотистым свечением представителя сказочного королевства.

– Темные феи.

Леннокс почувствовал, как кровь отхлынула от лица – уже второй раз за считанные минуты. Боже праведный, что же он наделал?

– Просто упакуйте свои вещи и предоставьте остальное мне. Королева встретит вас в четыре утра в лесу Ричмонд-парка. Вы обязательно должны туда прибыть, в противном случае ее дар, преподнесенный вашему сыну, рассеется как дым.

– Подождите! – вскричал герцог, когда Кром собрался уходить. – Что она хочет сделать с моими девочками?

– Теперь это не ваша забота. В свое время вы при-

няли дар, теперь пришло время платить десятину.

– Я... я не допущу, чтобы им причинили зло, слышите, вы, негодяй! Они – невинные молодые женщины. Хорошие девочки.

– Позвольте мне развеять эти страхи, ваша светлость. С ними будут обращаться как с королевами. В особенности с одной. С Честити, – объяснил Кром с лукавой улыбкой. – Она должна стать моей невестой.

– Эта участь постигнет всех моих дочерей? Они должны выйти замуж?

– Да.

– За представителей вашего вида?

– Конечно.

Леннокс сглотнул вставший в горле комок. Черт побери!

– Они все? – произнес герцог придушенным голосом.

Да жена кастрировала бы его, если бы узнала, что ее дочери выйдут замуж за мужчину-фею, причем это условие сделки, которую он заключил! Нет, должен найтись какой-то выход!

Глаза Крома вдруг грозно вспыхнули, словно он смог прочитать мысли Леннокса.

– Да. Все они выйдут замуж и будут жить при Благословенном Дворе. Так что вам лучше найти способ нарушить клятву, которую вы дали врагу моей матери. Советую

вам сделать это, поскольку ни одна из ваших дочерей не должна выйти замуж за кого-либо иного, только за мужчину моего двора.

– И они, эти темные мужчины-феи, вот-вот прибьют? – задыхаясь от ужаса, прошептал герцог.

Кром улыбнулся, демонстрируя особую, жестокую радость:

– Уже сейчас один из них приближается к вашему дому. Я оставлю вас, чтобы дать возможность уладить с ним свои дела. Советую вам положить конец своим деловым связям с ним. После этого вы уедете в Лондон.

Кивнув, Леннокс в бессилии откинулся на кожаную спинку кресла. Что ж, проклятая жадность обернулась ему боком. У герцога не было иного выбора, кроме как бежать, трусливо поджав хвост. Возможно, королева светлых фей защитит его дочерей от последствий отвратительной сделки, на которую он согласился три года назад...

Кром исчез, его фигура растворилась в воздухе, и перед Ленноксом вновь предстал Солсбери.

– Ваша светлость, принц Ринион здесь. Он утверждает, что хорошо вам знаком.

В самом деле, так и было.

– Проводи его сюда, Солсбери.

Высокий, представительный темный мужчина-фея

неторопливо прошествовал в кабинет герцога. Глаза Риниона отливали потрясающим оттенком синего, а его длинные темно-каштановые волосы спадали свободными волнами вниз, на впечатляюще широкие плечи. Новый незванный гость с самодовольной улыбкой оглядел комнату:

— Как изысканно вы все устроили в своем кабинете, Леннокс. Он стал гораздо более удобным, чем в последний раз, когда я здесь был. Как же я рад видеть, что вы наслаждаетесь моим маленьким подарком!

Герцог не мог произнести ни слова. Боже всемогущий, его обычно расчетливый разум теперь был пустым, ни одной мысли о спасении так и не зародилось. Что, если этот темный мужчина-фея уже обнаружил обман?

— Вы помните ту ночь, когда мы заключили нашу сделку? Невиданное богатство в обмен на руку самой старшей вашей дочери.

Леннокс с усилием глотнул и произнес, еле ворочая языком:

— Да. Помню.

Три года назад негодяй возник в саду за домом, появившись, будто восставший из пелены тумана сказочный маг. Дочери герцога обедали на свежем воздухе, под деревом, и это чудовище не могло оторвать взгляд от Мэри. Так любимой отцом Мэри!

Помнится, тогда девочки как раз приблизились к тому нежному возрасту, когда нет ничего важнее выходов в свет и балов. Дочери давно уже миновали годы, в которые большинство молодых леди дебютирует в высшем обществе, но в ту пору у Леннокса не было денег, чтобы обеспечить им достойный сезон в свете. Видит бог, он отчаянно хотел этого, но по уши погряз в долгах. И выводить в свет всех четырех было Ленноксу не по карману, он просто не мог себе этого позволить.

Презренный мужчина-фея знал его слабое место. Дочери. И деньги.

— Наступает Белтейн, Леннокс. Вашей дочери сейчас двадцать три. Я хочу свою невесту.

— Да-да, конечно, — пробормотал герцог, пытаюсь выбросить из головы воспоминания о памятной встрече, а заодно и тот факт, что, несмотря на всю свою отцовскую любовь, он отдал одну из обожаемых дочерей за звонкую монету. Разумеется, Леннокс тогда и не догадывался, кем был Ринион. Считал его одним из этих добрых, великодушных фей, не относящихся к Неблагому Двору. Герцог никогда не пошел бы на эту сделку, если бы знал, что ублюдок относился к темным силам.

— Сегодня вечером. В конце Великой Охоты. Именно тогда я заявлю свои права на нее. Она должна на-

деть это. – Ринион махнул рукой в направлении стоявшего под окном небольшого дивана. Магическим образом там тут же появилось тонкое платье, сшитое из белого сказочного шелка и отделанное серебром. Поверх наряда лежала сверкавшая на солнечном свете маска из серебра и хрусталя. – Удостоверьтесь, что она готова стать моей невестой.

Леннокс поймал себя на том, что кивает, как болван. К счастью, этот гость, высокомерный ублюдок, не заметил нервного состояния хозяина дома и поспешил покинуть комнату.

– В полночь, Леннокс, – напомнил темный мужчина-фея перед уходом, – иначе я буду вынужден лично забрать у вас то, что мне причитается.

Когда дверь кабинета закрылась, Леннокс в отчаянии уронил голову себе на руки. Боже, в какую серьезную переделку он попал! Но сейчас ничего уже нельзя было изменить. Он схитрил в соглашении с темной женщиной-феей, и как только негодяй узнает правду об их сделке, герцога ждет суровое наказание за обман.

Разум Леннокса, еще мгновение назад казавшийся пустым и оцепенелым, вдруг начал подсчитывать и оценивать. Герцог думал о выходе из постигшей его катастрофы и знал, что эта идея может сработать, – по крайней мере, на время, которое потребуется ему,

чтобы перевезти семью в столицу.

– Солсбери! – рявкнул Леннокс, с треском задвинув ящик стола. – Мы отправляемся в Лондон.

– В Лондон, ваша светлость?

– Да. Через полчаса. Сообщите горничным моих дочерей, что девочки должны быть готовы. И возьмите вот это. – Герцог сунул свернутое письмо в обтянутые белыми перчатками руки дворецкого. – Пусть лакей отнесет это вместе с одеждой, разложенной на диване, деревенской швее.

«Мне останется уповать лишь на Божью милость, – подумал Леннокс, уставившись в окно невидящим взором, – если мы с девочками не успеем сбежать раньше, чем темный мужчина-фея обнаружит обман».

– Не знаю, почему папе вздумалось уезжать из Гластонбери в такой спешке, – проворчала Пру, и ее губы с отвращением поджались.

– Это просто неприлично! Люди будут судачить. И бедная мама, – Пру вздохнула, – она просто вне себя от злости!

– Хм, папа и в самом деле вел себя так, словно сам дьявол гнался за ним по пятам, не так ли? – отозвалась Мэри, оглядывая переполненный бальный зал и наблюдая за скрытыми под масками танцующими, ко-

которые скользили в менюэте. — Но мама — всепрощающая душа, и она, без сомнения, уже забыла обо всем. Вы только посмотрите...

Мэри кивнула в направлении угла, где мать о чем-то деловито беседовала с подругами:

— Она выглядит вполне счастливой, не находите?

— Я так волновалась, что кучер загонит лошадей до смерти! — воскликнула Мерси. — Не думаю, что мы когда-либо добирались до Лондона так быстро.

— Все это кажется весьма бестактным, — снова укорила Пру. — Бедный Роберт и его жена застыли в изумлении, когда обнаружили всю семью у себя на пороге, причем всего за несколько часов до своего бала! Это создало такую суматоху, просто перевернуло весь дом вверх тормашками!

— Роберт ничего не имел против, — тихо возразила Мерси. — Он любит свою семью и был очень рад узреть нас на пороге, хотя и изрядно взъерошенных после нашего поспешного отъезда.

Прислушиваясь одним ухом к разговору, Честити ловила обрывки фраз болтавших сестер. Они вчетвером разместились у стола с большой чашей для пунша и шампанским.

Честити заметила, как Мэри улыбается скрывающемуся под маской незнакомцу, который привлек ее внимание. Еле заметный розовый румянец окрасил и

без того прелестные щечки Мэри.

Недоумевая, Честити спрашивала себя, что же вызвало такую реакцию у ее сестры. Незнакомец, безусловно, был привлекателен, но ничего особенного Честити в нем не находила. Ничего, что заставило бы ее собственные щеки зардеться.

– Как ты думаешь? – зашептала ей Мэри. – Он очарователен, не так ли?

Еле заметно пожав плечами, Честити принялась внимательно рассматривать мужчину, который постепенно продвигался в их направлении.

– Что тут можно сказать? Его лицо скрыто под маской. В сущности, – сказала она, окинув взором роскошную обстановку бального зала, – здесь все прячется под масками.

– Да, – с придыханием подхватила Мэри. – Это делает бал еще более увлекательным, не так ли? Неужели ты не можешь почувствовать это, Честити? Ощутить приятное волнение, заставляющее кровь закипать, когда ты встречаешься взглядом с мужчиной?

Честити потупила глаза, старательно изучая жемчужную отделку на кружевном манжете своего рукава.

– Нет, не могу.

Честити предполагала, что ее голос прозвучит твердо, непреклонно, но вместо этого в нем послышались нотки горечи. Нет, она действительно ничего не

почувствовала, когда окинула взором многочисленных джентльменов, присутствовавших на балу. Она не почувствовала ни закипания крови, ни волнения, ни...

– Присмотри кого-нибудь, – наставляла Мэри, – и, как только найдешь мужчину, приятного твоему глазу, позволь своему взгляду задержаться на нем. Представь, что стягиваешь маску с его лица, медленно разоблачая. Вообрази, что вы – одни в комнате. Двое незнакомых людей, наедине, смотрящих друг другу в глаза, и их кожа горит от желания прикосновения, губы жаждут поцелуя...

Голос Мэри понизился до обольстительного мурлыканья, она была явно заворожена провокационными словами, которые выбрала для описания собственной сладострастной фантазии. И все же Честити не пала жертвой пыла или чувственности этого образа, в ней совершенно точно не пробудилось ничего возбуждающего, эротического.

– Только представь, сестренка, каково бы это было – попробовать запретный вкус греха.

Честити нахмурилась: она всегда считала, что грех на вкус довольно горький, и это совсем не сладостное блаженство, как уверяла Мэри.

– Миледи, вы окажете мне честь?

Незнакомец потянулся к руке Мэри. Сестра мед-

ленно взмахнула сжатым в другой руке веером, позволив кружевной канве прошуршать над глубоким декольте. Эта нехитрая операция позволила тяжелому аромату духов облаком подняться вверх и окутать Мэри с пригласившим ее джентльменом. Мужчина еле заметно вдохнул благоухание, его темные глаза под маской на короткое мгновение закрылись.

– Весьма польщена, – отозвалась Мэри пылким голосом и одним щелчком сложила веер, разрешая скрытому под маской джентльмену повести себя на танцевальный паркет.

Пру и Мерси отошли к стене, затеяв разговор с Рут, их новой невесткой. Честити решила остаться на месте, не в силах отвести взгляд от старшей сестры и мужчины, с которым она танцевала.

Щеки Мэри покраснелись, ее губы приоткрылись в кокетливой полуулыбке, которую Честити никогда не удавалось повторить – впрочем, она никогда особо и не усердствовала в этом. Маска, скрывавшая лицо Честити, давала ей некоторую иллюзию приватности, и она воспользовалась этим ощущением, чтобы внимательно наблюдать за танцующими перед нею парами. Вино и шампанское лились рекой, время текло неумолимо. Толпящиеся в зале гости определенно чувствовали себя все более и более раскованно. Теперь Честити могла явственно ощущать, как туман-

ная пелена соблазнения, еще совсем недавно устилывавшая пол, медленно вздымается вверх и окутывает всех присутствующих.

Честити вдыхала страстное желание, висевшее в воздухе. Этот воздух был вязким, одурманивающим смесью сладости и пряности. Он затуманил голову Честити, обволакивая, заставляя чувствовать себя безвольной, сонной и в высшей степени расслабленной.

Через прорези для глаз она оглядела зал, изящно помахивая кружевным веером вперед-назад, чтобы разогнать воздух и попытаться прочистить голову от приторного, чувственного аромата, который, казалось, наполнил собой все вокруг. Прямо перед Честити маячили приоткрытые всего на несколько дюймов застекленные створчатые двери, к которым она и устремилась. Ей отчаянно требовался воздух – свежий, способный прояснить сознание.

Честити проскользнула в двери, оглянувшись напоследок через плечо и убедившись в том, что никто не смотрит на нее, да и ее уход вряд ли будет замечен. Это была лишь передышка от танцев, короткая, но такая желанная для нее.

Глава 4

Честити быстро пролетела сквозь створчатые двери и поспешила выйти на окутанный тьмой балкон. Слева от балюстрады находился самшитовый лабиринт, затененный высокими грозными дубами и ивами. Внутри лабиринта стояла скамейка, где Честити могла присесть и дать отдых ногам, нывшим от усталости в ее изящных бальных туфлях. Она знала, что не должна оставаться здесь одна, в темноте, но голова все еще оставалась затуманенной, и искушение отдохнуть в уединении было слишком велико. Экзотический вязкий аромат по-прежнему окутывал Честити, но разум стал проясняться, когда свежий ночной воздух принялся одувать ее, наслаждающуюся тишиной и покоем.

Какое необычное ощущение овладело ею! Никогда еще Честити не испытывала ничего подобного. Это разгорячило ее тело как ничто прежде, даже пьянящее шампанское не оказывало на нее такого воздействия. Томительный жар и чувство апатии по-прежнему, казалось, окутывали Честити, давая ей возможность ощутить причудливый вкус того, на что, наверное, и должен был походить стойкий эффект сладострастия. Несмотря на тот факт, что она никогда рань-

ше не испытывала плотского желания, Честити знала: она чувствовала необъяснимое эротическое возбуждение, висевшее в воздухе. Непорочная или нет, но уж простоватой дурочкой Честити явно не была!

Несколько раз глубоко вздохнув, чтобы успокоиться, она подняла взгляд в небо, наблюдая за тем, как полоска серебристого лунного света появилась из-за черного облака. Сегодня – канун Белтейна, напомнила себе Честити. Ночь Великой Охоты, соединения бога и богини. Разумеется, в такой вечер не могло обойтись без чувственной, плотской составляющей. Все так и предвкушали наступление полуночи, когда должен был вступить в свои права Белтейн, и с нетерпением ждали традиционных для весны и Майского праздника легкомысленных, распутных развлечений.

Там, дома, в Гластонбери, Великая Охота наверняка только началась, и большой костер на деревенской лужайке ярко горел, вспыхивая до небес. Мужчины гонялись за юными девушками в лесной глуши, и под этой же полоской лунного света они исполняли весенние ритуалы.

Великая Охота и праздничные гулянья Белтейна уходили своими корнями в языческие верования и древние кельтские обряды. Благодаря тайне, которую хранила скалистая вершина холма, и его внушительному облику, в деревне было совсем нетрудно ощу-

щать нечто языческое большую часть года. Но вечерами, подобными этому, все жители отбрасывали приличия и христианскую мораль ради участия в торжествах роста, сексуальности и плодородия – тех самых трех качеств, что с давних пор символизируют весну.

Гластонбери, который на протяжении веков был известен как Земля Летних Людей, находился в центре празднования Белтейна. С детских лет отец Честити, который вырос в местной маленькой деревне, отмечал эту ночь каждый год. Каждый год, кроме этого.

По каким-то непонятным причинам отец, никогда не возражавший против того, чтобы сопровождать дочерей на деревенский праздник в канун Белтейна, вдруг начал вести себя так, словно местные жители и их гулянья были преданы анафеме. В этом году, заверив Честити и ее сестер, что они уже достаточно взрослые, чтобы наблюдать за Великой Охотой, сразу после того, как девочки позволили себе проникнуться приятным волнением в ожидании торжества, он в последний момент запретил им там появляться.

– Вы не пойдете на столь чувственное, полное жажды наслаждений зрелище. Это архаично, – бурчал отец, ожидая, пока они в спешке втискивались в городской экипаж.

После того как карета, покачиваясь, двинулась вниз по дороге, отец категорически отказался продолжать

обсуждение этой темы, сказав дочерям лишь то, что те и так уже знали: они направляются в Лондон, на бал своего брата, после чего отправятся в городской дом Леннокса на Гросвенор-сквер, где проведут по меньшей мере две недели.

Все это выглядело очень, очень странным, особенно учитывая то, что отец всегда прикладывал максимум усилий, чтобы держать дочерей на почтительном удалении от столицы.

— В Лондоне одни только распутники и вороватые охотники за приданым, — всегда твердил отец.

Так почему же сейчас он изменил мнение? Казалось, что всю жизнь четырех сестер отец ограждал их от того, чтобы оказаться испорченными видами и звуками — даже запахами — Лондона, и все для чего? Чтобы однажды утром резко поменять свое отношение и чуть ли не силой отправить их в город.

Что-то было не так. Честити чувствовала. И это что-то имело прямое отношение к ее отцу и его сбивающему с толку поведению. Погрузившись в раздумья, она невольно поймала себя на том, что не может найти объяснение происходящему. Возможно, рассуждала Честити, глубоко вздыхая, ей никак не удастся понять поведение отца потому, что разум все еще затуманен устойчивым ароматом чего-то... чего-то, окутавшего весь танцевальный зал.

Бросив взгляд на столь манящий тишиной лабиринт, Честити скользнула вниз по лестнице, легко, еле слышно шурша по камням шелковыми юбками с кринолином. Там, в этом лабиринте, она мечтала обрести уединение и покой, чтобы поразмыслить над приводящими в замешательство событиями дня.

Спускаясь с лестницы, Честити вела рукой в перчатке по каменным перилам, любуясь искрящимся лучом луны, отблески которого падали на гладкую поверхность тесаного кварца. Отраженный в камне, лунный луч становился менее ярким и все больше напоминал тонкую полоску радужной пелены. Этот своеобразный туман излучал столь ослепительное сверкание, что Честити наблюдала за ним, позабыв обо всем на свете, замороженная красотой необычного явления. А переливающийся всеми цветами радуги туман, казалось, танцевал вдоль перил, словно был живым.

«Какая глупость!» – пристыдила саму себя Честити. Это было лишь отражение лунного света в кварце, ничего больше. «А как же сладостный аромат? – нашептывало ей сознание. – Как ты объяснишь это?»

Она вернулась с новой силой, эта пьянящая, экзотическая смесь запахов, которая напомнила Честити о дальних странах – Островах пряностей, как называют Молуккские острова, или, быть может, Индии. Аро-

мат был тяжелым, пробуждающим незнакомые доселе чувства, почти одурманивающим, и все же он заставлял ее чувствовать себя легкой как перышко. Честити казалось, словно это она сама парила в воздухе, а не частицы тумана, которые мерцали на лунном свете.

«Цео Ши, – вдруг донесся до Честити чей-то шепот. – Волшебный Туман».

Она слышала об этом прежде, знала о способности феи являться в обличье дождя, легкой мглы, густого тумана и тени.

Теперь Честити слышала, как это название тихо разнеслось на ветру, стоило ее бальным туфлям погрузиться во влажную траву. Неужели Дине Ши – люди из страны феи – оказались здесь, в саду за домом в лондонском поместье ее брата? Но почему именно здесь? Почему сейчас? На протяжении всей жизни Честити отец то и дело говорил с ней и ее сестрами о феях, и все же она никогда не видела их, никогда не ощущала, что они так или иначе действительно являлись частью ее существования. Так почему же в этот момент она была буквально одержима идеей о них? Возможно, в этом на самом деле было виновато шампанское, затуманившее разум, спутавшее все мысли – и ничего больше.

Со свинцовой головой и обмякшими ногами Чести-

ти все глубже продвигалась в темноту десятифутового лабиринта. Она осознала, что дышит тяжело, часто. Тесьма, надежно удерживавшая камео вокруг горла, вдруг заставила Честити задыхаться. Корсет ту же стянул ее груди, выталкивая их все выше, затрудняя поступление воздуха в сжатые легкие. Веер выпал из рук Честити в высокую сырую траву, когда воздух стал плотнее и принялся окутывать ее, забираясь под юбку, лаская сначала икры, а потом и бедра. Честити охватило странное чувство, словно она вдруг сделалась бесплотной. Ее разум, всегда острый и ясный, отказывался работать, а ее легкие, казалось, потеряли способность обеспечивать организм необходимым количеством воздуха.

Задыхаясь, Честити ощущала, как необычный жар скользит к талии, потом поднимается вверх, к грудям. Уже не в силах терпеть эту пытку, она сорвала с себя душащую тесьму и бросила ее на землю, отчаянно глотая воздух ртом. Честити явно душили, и она не могла понять, в чем или ком крылась причина ее страданий. Она была совершенно одна – и все же это ей лишь казалось.

– Такой красивой женщине, как вы, не следует гулять во тьме в одиночестве, без сопровождения джентльмена.

Честити резко обернулась, испуганная раздавшим-

ся за спиной низким голосом. Лицо обратившегося к ней мужчины было искусно скрыто под замысловатой маской, сделанной из золота и проволоки и изображавшей лиственный орнамент. С его внушительным ростом и шириной очерченных лунным светом плеч, длинными темными волосами, трепетавшими на легком ветру, этот человек выглядел как легендарный Король Дуб, явившийся, чтобы похитить ее.

Покачнувшись, она сделала шаг назад и натолкнулась на большую березу, отмечавшую вход в лабиринт. Честити не была знакома с этим мужчиной, но было в нем нечто привлекавшее ее – его голос, вероятно, или, может, то, как он возвышался над ней, такой горделивый, такой мужественный, такой... уверенный в себе.

– Я напугал вас, – снова обратился незнакомец к Честити, и она отметила его ярко выраженный обольстительный акцент, мелодичный голос, не просто низкий, но и сильный, с повелительно-мужскими нотами. – Я этого не хотел.

– Я не слышала, как вы подошли, сэр, – отозвалась Честити, замечая, что туман не только не рассеялся, но и, похоже, устремился к нему, словно бабочка – к огню. Казалось, мужчина был весь окутан этим загадочным туманом и буквально сверкал в переливающемся отблеске. Замерев на месте, Честити

в изумлении смотрела на незнакомца, замороженная волшебной картиной, привлеченная его красотой.

– Простите меня. – Мужчина подошел ближе к Честити, туман засверкал и зашевелился вокруг него. Аромат, совсем недавно заставивший ее испытать странное, незнакомое прежде чувство, стал сильнее, гуще. Это был восхитительный запах, благоухание, от которого тело Честити горело пламенем, источник которого она не могла постичь.

– Мы встречались прежде, сэр? – осведомилась Честити, отступая дальше, когда мужчина приблизился снова.

Он сейчас купался в столбе лунного света – это было потрясающее, захватывающее дух зрелище. Честити видела, даже несмотря на скрывающую лицо собеседника маску, что он внимательно изучает ее из-под плотной завесы черных ресниц. Его волосы были темными, как вороново крыло, а еще густыми и блестящими, словно сияющие на лунном свете пролитые чернила. Черные пряди свободно падали вниз, касаясь его плеч, обтянутых бархатным камзолом. Что-то вроде нарядного фрака, который, нисколько не сомневалась она, не требовал никаких дополнений.

Мужчина позволил Честити рассматривать его, и, когда их взгляды встретились, она невольно спросила себя: а осознает ли этот красавец в полной мере, ка-

кое впечатление его лицо и фигура должны производить на представительниц слабого пола? Любая нормальная женщина нашла бы этого мужчину неоспоримо привлекательным и чувственным. Любая женщина желала бы оказаться в его объятиях, ощущать прикосновения его губ, наслаждаться ласками его изящных, и все же таких чрезвычайно сильных, по-настоящему мужских рук.

Честити не относилась к числу этих «нормальных» женщин. Но этот чужак, судя по всему, произвел на нее самый будоражащий эффект. Он обладал красотой, таинственным своеобразием, которое соблазняло Честити, хотя мозг настойчиво советовал ей бежать, как можно быстрее покинуть этот загадочный лабиринт. Но она не могла двинуться с места. Ее бальные туфли крепко вросли в землю, словно кто-то их приклеил.

— Разве я и в самом деле не соблазняю вас? Неужели вы не думаете, прямо в этот самый момент, каково бы это было — ощутить мое тело поверх вашего?

Эти слова появились словно из ниоткуда — нет, все-таки их сказал он, — несмотря на тот факт, что даже не шевельнул губами. Даже не улыбнулся. Просто стоял перед Честити, молча разрешая ей пристально себя изучать.

— Ваш взгляд задерживается на моих пальцах,

словно вы жаждете, чтобы они ласкали вас, медленно развязывая шнуровку корсета и обнажая то, что столь тщательно скрыто под этим платьем. Несмотря на маску, я вижу в ваших глазах это страстное желание, эту горящую глубоко внутри жажду ощутить мои руки на вашей плоти.

Его голос звучал снова – красивый, лирический. Его слова искушали. Обольщали. И все-таки его мужественные губы по-прежнему не двигались. Что же это тогда, удивлялась Честити, неужели ее собственные мысли? Разве она была способна на то, чтобы вызвать в воображении подобные низменные грезы?

Эти мысли испугали Честити. Просто невозможно было поверить, что это она, целомудренная, которой ни один мужчина никогда и пальцем не касался, могла размышлять о подобных вещах.

И все же Честити не собиралась отрицать тот факт, что незнакомец не говорил вслух. Так или иначе, но она слышала его низкий голос, словно эти слова кто-то интимно, сокровенно нашептывал ей на ухо.

Потянувшись к руке Честити, обольститель обвил своей кистью без перчатки ее тонкие пальчики, и исходящее от его кожи тепло заставило восхитительную, сладостную дрожь пробежать вдоль ее спины.

– Вы ведете себя чересчур смело, сэр, – задыхнулась от возмущения Честити, смутившись, когда наг-

лец поднял на нее пронзительные синие глаза, которые, казалось, блестели точно так же, как золото его маски сверкало в лунном свете.

– Неужели? – Сочность его голоса вызвала трепет в животе Честити. – Тогда позвольте начать сначала, – предложил мужчина мягким тоном. – Знакомство в уединенном саду, купающемся в лунном свете, – весьма многообещающее событие. Можно не сомневаться, что оно будет приятным и незабываемым.

Как бы то ни было, Честити знала, что никогда не забудет момент этой встречи.

Туман переливался в сверкающем лунном свете, подчеркивая контур широких плеч чужака и перемещаясь вместе с ним, когда ему вновь вздумалось подойти поближе. Мужчина казался загадочным, прямо-таки сверхъестественным, от его невероятной красоты захватывало дух! Она обязательно будет вспоминать этот момент, это ощущение покалывания в теле и чувственного пробуждения, через много лет, старухой, сидя у камина.

– Лунный свет вам к лицу, – произнес незнакомец мягким и вкрадчивым голосом, который, казалось, обволакивал ее.

Мужчина потянулся вперед, и Честити заметила, как искрящиеся туманные кристаллы заблестели на его пальцах, а потом проплыли и над ее плечом, сто-

ило ему поймать одну из выбившихся из ее прически прядей.

– Вы были созданы для того, чтобы сиять в темноте. Вы – прекрасный ангел при солнечном свете и соблазнительная богиня – при лунном.

Честити едва могла думать. Что же так влияло на нее – этот аромат, окружавший ее? Необычность сверкающего тумана и скрытый под маской незнакомец? Или ее собственное дыхание – слишком частое, сбившееся? Независимо от того, что именно производило подобный эффект, это перевернуло ее разум вверх дном. Не ослышалась ли она, правильно ли поняла слова мужчины – он видел ее при солнечном свете? Решительно невозможно.

– Не думаю, – с трудом произнесла Честити, облизывая пересохшие губы, – что вы знаете, кто я. Возможно, вы ошиблись и приняли меня за кого-то еще?

– Нет, это – не ошибка. – Он накрутил на палец прядь волос Честити и потянул локон к себе, чтобы привлечь ее ближе. – Вы маните меня. Я могу отыскать вас где угодно, даже в самой большой людской толпе или сумраке темных переулков Ковент-Гарден. Нет такого места, где вы могли бы спрятаться от меня.

Подобное самонадеянное утверждение должно было напугать Честити, однако она пришла в ужас по совершенно иной причине, ощутив трепещущий от-

клик ее тела на это сообщение.

– Вы не осознаете этого, но ваше тело буквально кричит, и мое откликается на этот призыв. Нам суждено быть вместе. Мы с вами дополняем друг друга.

Голос мужчины понизился до обольстительного шепота, его глаза пригвоздили Честити к месту. Эта беседа была слишком интимной для любой невинной девушки, не говоря уже о воплощенной добродетели. Он, очевидно, на самом деле перепутал ее с другой – более искушенной и приземленной.

– Вынуждена просить вас, сэр, отпустить меня. Вы мне не знакомы, и я абсолютно уверена, что вы обознались, ошибочно приняв меня за ту, на полуночное randevu с которой пришли.

– Леди Честити, – промурлыкал он, нарочито растягивая окончание ее имени. От этого звука по коже пробежали мурашки, и Честити затрепетала, ее пальцы задрожали в руке незнакомца.

– Сэр? – пробормотала она, безуспешно пытаюсь отвести взгляд от его завораживающей красоты. – Откуда...

Честити снова облизала губы.

– Откуда вы меня знаете? Мы никогда прежде не встречались.

– Разве? – Приподняв вверх ладонь Честити, он обнажил ее запястье и провел по тонким голубым венам

кончиками пальцев. Вместе они наблюдали за тем, как эти изящные пальцы скользят по ее гладкой коже, и Честити, не в силах контролировать ощущения, которые вызывали эти прикосновения, захныкала от отчаянного желания почувствовать его ласки всем своим телом. Ресницы соблазнителя опустились, и он закрыл глаза, словно знал, что это еле слышное хныканье срывалось с ее губ только от жажды страсти, не от страха.

— Каков ваш титул, сэр?

Он был слишком богато одет и слишком учтив, чтобы оказаться кем-либо, кроме аристократа. Но в его голосе слышался легкий акцент — экзотически звучащий выговор, притягательный, соблазнительный.

— Принц, — тихо произнес он.

— Принц, надо же... — Честити запнулась, осознавая, что ей нужно уйти, но не находя в себе сил оставить загадочного красавца. — Я... я никогда не встречала... принца.

— Как же мне повезло — я буду вашим первым!

Эти слова таили в себе двойной смысл. Честити доводилось слышать их прежде — и она всегда реагировала на подобные высказывания глубоким отвращением. Но эта фраза, сказанная его низким голосом, только еще больше соблазняла ее. Заставляла следить за медленным, легким прикосновением его паль-

цев к учащенно бьющемуся пульсу на ее запястье и гадать, каково бы это было – наблюдать за тем, как его губы касаются той же самой точки или других, более интимных частей ее тела.

– Я – ваш первый принц, но одновременно я – первый, кто прикасается к вам вот так? – спросил он, подняв голову и глядя на нее сквозь пышную бахрому ресниц, которую не могла скрыть его маска.

– Я – леди, ваше высочество, – поспешила предупредить Честити, но ее голос прозвучал прерывисто, хрипло, и наглец улыбнулся, изобразив на лице самое слабое мимолетное подобие самодовольной ухмылки.

– Необычайно прекрасная леди.

Глубоко вздохнув, он прильнул губами к коже Честити.

Она услышала – точно так же, как и почувствовала, – как принц еле заметно потянул носом, словно вдыхая аромат ее кожи. Его губы вдруг приоткрылись, обнажив сверкание ослепительно-белых зубов за четко очерченными губами. Кончик языка принца медленно выполз между губами, и Честити затаила дыхание, застыла на месте, наблюдая за этим зрелищем с благоговейным страхом.

С утонченным вниманием и глубокой почтительностью таинственный соблазнитель слегка коснулся ее

запястья кончиком своего горячего языка. Вскоре на смену языку пришли губы, и принц поднял на Честити взгляд. Она заметила, какими черными были сейчас его глаза – словно зрачки расширились и поглотили синеву радужной оболочки.

– И что же вы скажете, леди Честити? Что оказалось для вас впервые – встреча с принцем или ощущение мужского языка, пробующего на вкус вашу плоть?

Словно какая-то простофиля, она кивнула, не в состоянии сделать что-либо больше. Честити должна была прервать это гипнотическое состояние, в котором ее держал необычный чужак, но неожиданно осознала, что невероятной внутренней силы, которая для этого требуется, у нее просто нет. Честити совсем ослабла, но, Господь свидетель, не хотела показывать свою дрогнувшую решимость. Она желала большего: узнать, как этот мужчина поступил бы с ней, как далеко зашел бы в этой игре обольщения.

Наблюдая за Честити, покоряя ее этими черными бездонными глазами, он снова провел языком по ее запястью. Их взгляды встретились, таинственность их лиц, все еще скрытых под масками, только усиливала повисшее между ними возбуждение.

– Не бойтесь меня, – прошептал принц, заметив, как дрожит ее кисть в его руке. – Я никогда не причиню

вам боль. Я лишь добиваюсь возможности подарить вам наслаждение.

– Боже милостивый, ваш голос! – задохнулась от потрясения Честити, высвобождая свои пальцы из его мертвой хватки и резко отстраняясь. Внезапно память отбросила ее к событиям дня, и перед мысленным взором тут же предстали огромный белый пес и темноволосый мужчина. – Я... я знаю вас.

– Вы приняли меня за кого-то другого.

– Сегодня, в лесу, там, дома, – принялась объяснять она, отступая назад, пытаюсь отойти от него на безопасное расстояние. – Вы ехали верхом и остановили нас на тропинке. Но как вам удалось...

Чувственный туман стал рассеиваться. Как же так произошло, что этот мужчина – этот незнакомец – возможно, был тем, кто встретился на пути Честити и ее сестер этим самым утром? Как это могло быть, что он приехал в Лондон? На бал к ее брату? Разумом Честити понимала, что подобные предположения невероятны, но что-то внутри ее кричало: это был он, и ей следовало бежать от него. Чужак был опасен, и не только потому, что представлял угрозу ее невинности.

Он шел за Честити как тигр, преследующий свою жертву. Она отступала все дальше и дальше, пока не оказалась в самой глуши, среди деревьев, возвышавшихся вокруг садовой скамьи. Окружая Честити, ла-

биринт становился все выше, поглощая ее и незнакомца. Шаг за шагом, таинственный принц следовал за ней, его пристальный взгляд ни на мгновение не отрывался от ее лица. Сила этого завораживающего взгляда нарастала, обжигая ее плоть, пока Честити не оказалась разгоряченной и едва не потеряла способность дышать.

– Это действительно то, чего вы хотите? Что вы чувствовали всего несколько секунд назад – настойчивое желание избавиться от меня? Неужели вы так жаждали, чтобы я оставил вас?

– Прекратите это немедленно, сэр, – потребовала Честити, но в ее тоне явно недоставало осуждения. Ее груди, спрятанные за парчовым корсажем и туго зашнурованным корсетом, начали колыхаться в такт сбившемуся дыханию. Учащенному дыханию, которому следовало быть столь резким и прерывистым из-за страха, а не этого странного, упоительного ощущения, которое могло оказаться только одним – вожделением.

– Идите ко мне, Честити, – мягко упрашивал загадочный принц, – я чувствую, как сильно вы хотите этого! Просто позвольте себе один-единственный момент опрметчивого наслаждения.

Губы Честити приоткрылись, и она начала судорожно глотать воздух ртом. Бедняжка услышала, что за-

дышится, и даже вскрикнула от ужаса, когда, отступая назад, внезапно налетела на ствол дерева. В мгновение ока обольститель оказался перед Честити и, схватив ее за талию, стал увлекать в самую глубину лабиринта.

– Прекратите это! – протестовала она, отчаянно вырываясь из его рук. Честити боролась из последних сил – не потому, что боялась его, скорее из страха перед самой собой и потребностью, которая вдруг начала управлять ею.

– Я так много времени провел, ожидая вас, наблюдая за вами. Вы влечете меня, взываете к таящемуся в моей душе неудержимому желанию. Страстному желанию, которому я никогда не позволил бы навредить вам. Я лишь желаю разделить его с вами.

Слова незнакомца потрясли Честити. Их интимный характер, искренность заставили ее замереть в его объятиях. Невольно прижимаясь спиной к руке принца, она чувствовала под своими плечами рельеф его твердых, сильных мускулов. Его губы оказались всего лишь в нескольких дюймах от ее уст, а его глаза, эти яркие, таинственные глаза, которые все еще были черными, гипнотизировали ее, не давая двинуться с места.

Он крепко держал Честити, перекинув ее безвольное тело через свою руку. Грудь пойманной в коль-

цо сильных объятий жертвы стиснулись под облегающим лифом, сочные соблазнительные холмики грозили в любое мгновение выпасть из скромного квадратного выреза платья.

Честити чутко улавливала реакцию собственного тела, осознавала, каким разгоряченным и жаждущим близости оно было... Ее плоть возбужденно набухла под корсетом, текла соком страсти между ее бедрами, а дерзкий оболъститель продолжал бесстыдно взирать на ее запрокинутое лицо, тщательно изучая каждый дюйм находящегося в его власти тела. Честити хотела что-то сказать, вести себя так, словно она не была такой простодушной и невинной, но теперь, глядя в его глаза, ей никак не удавалось восстановить дыхание и вновь обрести способность мыслить здраво.

Взлетев вверх, его свободная рука принялась бродить по очертаниям лица Честити, потом скользнула ниже, к ее подбородку.

– Не бойтесь меня, – прошептал, наконец, принц, нежно проводя рукой по отчаянно пульсирующей точке у основания ее горла. Когда кончик его пальца плавно спустился еще ниже, к декольте, Честити даже не вскрикнула, протестуя, лишь с усилием глотнула.

Глаза незнакомца, казалось, засверкали еще ярче, когда его взгляд опустился на неистово трепещущую

шею Честити, а потом упал на ее груди, которые уже самым бесстыдным образом вываливались из корсета.

– То, как блики луны играют на вашей коже, так и манит меня исследовать. Прикасаюсь. Пробовать на вкус.

Кончики пальцев страстного принца на мгновение задержались на пульсирующей точке горла, и Честити услышала его урчание, эти звуки, воспроизводимые мурлыкающим от удовольствия огромным котом. Губы мужчины опустились еще ниже, и он затих, чтобы через миг исторгнуть из глубины своей груди мощный крик, который принадлежал уже не коту, а какому-то дикому зверю.

– В кромешной тьме можно обрести подлинное, самое восхитительное наслаждение. Вам не стоит этого бояться. Просто отдайтесь на волю блаженству.

Закрыв глаза, Честити запрокинула голову, наслаждаясь жаром, исходящим от его пылкого рта и обдающим ее декольте. Она и сама вся горела, задыхаясь, ожидая чего-то необыкновенного – того, названия чему не знала.

Честити не понимала этого, просто чувствовала: это не должно развеяться. Она хотела, чтобы необычное ощущение поглотило, буквально уничтожило ее. Она жаждала стать жертвой этого необузданного

совратителя. Происходящее казалось нереальным, ведь Честити не была легкомысленной развратницей, и подобные желания никогда прежде ее не посещали. Она слыла олицетворением добродетели, но, судя по всему, целомудрие покинуло ее, оставив такой, какой она на самом деле и была – женщиной, страстно желающей оказаться соблазненной.

– Да, уступите мне, сдайтесь... Примите меня таким, какой я есть. Познайте эту тьму, страстную тьму, заключенную во мне, и разрешите мне взять вас... познать вас...

Тяжело дыша у молочно-белого горла Честити, Тейн терпел пронзивший его приступ мучительной боли. Он заставлял ее. А это было запрещено. Такое поведение лишь усилило бы проклятие, но, боже праведный, как же он хотел Честити, как жаждал овладеть ею – необузданно, без единой мысли – и погрузиться в это соблазнительное, роскошное тело!

Она еле слышно стонала, но не от страха, а из-за пробуждения женской сущности, и Тейн решил, что, возможно, еще сумеет заставить эту невинную девушку захотеть его. Из груди невольно вырвался тихий торжествующий рык, когда принц скользнул губами по набухшей пульсирующей вене, спускавшейся от шеи Честити к верхушке ее груди. Приоткрыв рот, он об-

давал ее тело горячим дыханием. Туман, являвшийся частью темного принца, принялся парить над Честити, что-то мягко нашептывая, окутывая ее до тех пор, пока маленькие бисерины влаги не превратились в блестящий ручеек, стекавший по впадине между ее пышными грудями.

Честити извивалась в объятиях Тейна, но вовсе не потому, что пыталась вырваться из его рук. О нет, она хотела его – так, как женщина хочет мужчину. Тейн мог чувствовать запах ее возбуждения, аромат страсти, доносившийся из-под ее платья. Да, он явственно ощущал благоухание пряного, безрассудного нектара крови Честити через ее кожу, восхитительно пахнущую духами с нотой померанцевых цветов. Сами по себе духи в качестве афродизиака не шли ни в какое сравнение, просто не могли конкурировать с силой женской крови, разгоряченной страстным желанием. Но невинность Честити, смешанная с густым, насыщенным ароматом духов, опьяняла подобно волшебному медовому вину.

Пристально глядя на женщину, которую он держал в объятиях, Тейн любовался тем, как вздымаются и опускаются ее груди. Порочное ощущение физической потребности, подогреваемое его грехом, будило в Тейне желание видеть свое семя, сочащееся между ее сочных грудей. Он жаждал отметить ее своим

клеймом, окутать собственным ароматом. Тейн хотел, чтобы эта женщина принадлежала только ему.

Принца охватило желание вкусить ее сладостную плоть. Острая потребность сорвать это хитроумное изобретение, скрывавшее прелести Честити от него и державшее ее тело словно в клетке, охватила его, и он опустил голову, вдыхая мускусный аромат своей жертвы. Тейн слушал чувственное биение сердца, неудержимо стучащего в ее груди. Он хотел ощутить точно такую же ритмичную пульсацию в своем члене, когда он глубоко погрузится в соблазнительное тело Честити, а ее девственное лоно будет сжиматься и трепетать, обхватывая его крепкий ствол, выпивая его досуха.

Тейн оставался бы в ней как можно дольше, смакуя восхитительное ощущение ее тела, принимающего его. Он поднялся бы над Честити еще выше, заслоня собой все, чтобы она не замечала никого, кроме своего принца. Она видела бы только Тейна, возвышающегося над ней. Чувствовала бы только его, глубоко внутри своего тела. А потом, когда Честити была бы сосредоточена исключительно на Тейне, их взгляды встретились бы и он овладел бы ею. Взял ее душу и тело. Добродетель, созданную для его греха.

Их ночи проходили бы в наслаждении. В неторопливых, томных любовных ласках, а еще в безумном,

необузданном соитии, и Тейн ощущал бы, как Честити обливается потом, плавясь от страсти в его объятиях. Она просила бы Тейна остановиться – только для того, чтобы умолять его овладеть ею еще раз.

Сейчас, в его руках, Честити была нема как рыба. Тейн с трудом оторвал взгляд от лифа платья, из которого соблазнительно выпирали роскошные груди, и посмотрел ей в глаза. Она боялась? Была вне себя от ужаса? Знала ли она, что хотел сделать с ней Тейн? А вдруг Честити смогла прочитать его мысли, воочию увидеть этот заманчивый образ – она, трепещущая под Тейном, ее ягодицы в его ладонях, ее бедра, выгибающиеся навстречу его страстным проникающим ударам? Подозревает ли эта женщина, как сильно волшебный принц жаждет увидеть ее тело, распаханное для него одного? Как отчаянно он хочет забрать ее в свое королевство и сделать своей супругой, как и положено темному мужчине-фее?

Боже праведный, Честити хотя бы догадывается, с каким чудовищем ей довелось встретиться? Тейн был олицетворением похоти. Трахался, как животное. Казался просто ненасытным. Она, кристально чистая в своем целомудрии, никогда не смогла бы понять, что желал сделать с ней одержимый похотью принц – или каких ласк он хотел добиться от нее.

Тейну следовало покинуть ее, эту невинную ма-

ленькую овечку, и все же она являла собой все, что он так отчаянно жаждал. Это было нечто его собственное. Не имущество, не вещь. Но его. Добродетель, противостоящая его греху. Женщина, противоположная ему буквально во всем. Женщина, которая могла бы освободить его королевство от проклятия. Женщина, которой обязательно удалось бы освободить его самого.

Но грех, сидевший у Тейна внутри, уже бушевал под его кожей. Неистовствуя, этот грех жаждал развратить непорочную Честити. Взять прямо сейчас, когда ее и без того огромные глаза были распахнуты от изумления, а ее тело источало запах желания. Сама похоть хотела овладеть ею. Тейн хотел... Он не знал, чего именно. Да, Тейн жаждал познать Честити, вкусить ее тела, почувствовать ее горячую плоть, обхватывающую его член, но он мечтал и о чем-то еще. Чтобы она страстно желала его. Да, его, принца. Темного мужчину-фею. Он не хотел, чтобы Честити отдалась ему такому, находящемуся в гипнотическом обличье порока.

— Честити, — прошептал Тейн, легонько проводя губами по выпуклости ее груди. Лаская ее, он наслаждался запахом тумана и ароматом женской плоти. — Позволь мне ощутить твой вкус.

Она рассеянно моргнула своими бездонными, широко распахнутыми глазами, и Тейн заметил сиявшую

в них потребность быть желанной. Опустив голову, он прильнул к ее губам и ощутил, как по венам тут же хлынуло мощное возбуждение. Ее уста были мягкими, податливыми под его требовательными губами. Тейн снова припал к Честити в поцелуе, только на сей раз жар его приоткрытого рта окутал ее.

Принц нетерпеливо прижался к Честити, побуждая ее разомкнуть губы для него, но она упорно не поддавалась – или просто не знала, как разрешить ему столь интимное проявление чувств.

Ощущая, как нарастает досада внутри, Тейн обеими ладонями взял Честити за подбородок и без труда скользнул языком между ее губ. Их языки соприкоснулись и принялись смело поглаживать друг друга с все возрастающей страстной свирепостью.

Честити вцепилась в Тейна, прижимая его к своей груди, и он уже мог слышать – точно так же, как и чувствовать, – как ее сердце бьется все быстрее и быстрее с каждым безудержным ударом его языка.

Внезапно принца охватила жгучая потребность видеть Честити, и он открыл глаза. Ее глаза были закрыты, лишь длинные ресницы трепетали, отбрасывая тени на светлые фарфоровые щеки. Пальцы Честити проникли в волосы Тейна, спутывая и сжимая пряди, пока она мурлыкала, стонала и касалась своими восхитительными формами его тела.

Приоткрыв рот, Тейн припал губами к податливой плоти ее горла, став посасывать эту мягкость, и Честити еще глубже погрузилась, буквально рухнула в его объятия, не в силах устоять перед искушением. А Тейн сосал и омывал языком, целовал, обдавая ее влажную плоть горячим, сырым воздухом. Его язык и губы с наслаждением исследовали горло Честити, пока не наткнулись на кружевной барьер ее лифа. Уже не в состоянии сдерживать себя, он резко дернул ткань и оторвал пуговицы, распахивая лиф все шире до тех пор, пока в декольте не показалась обнаженная грудь. Добившись своего, он провел уже кончиками зубов по ее коже, которая теперь источала тепло и рдела ярким румянцем.

Аромат ее бурлящей страстью крови ощущался так сильно, что моментально завладел всеми чувствами Тейна. Он уже не мог слышать, не мог видеть – похоть ослепила его. Он мог лишь вдыхать этот упоительный аромат, который становился все явственнее, словно туманом окутывая его тело возбуждением Честити.

Подталкивая сочные груди выше, к своему рту, Тейн чередовал ласки, то целуя, то проводя языком по разгоряченной коже в поисках все время ускользавшего соска, который – он это точно знал – уже набух и вздернулся под корсетом. Тейн наконец освободил соблазнительные груди из этого тугого одеяния, и Че-

стити упала перед ним на колени. Когда она подняла на принца свой взгляд, он увидел экстаз в ее прекрасных глазах.

Похоть, равной которой по силе Тейн никогда не испытывал, нахлынула на него, и принц почувствовал, как внутри вновь пробуждается дикий зверь. Он больше не мог скрывать очарование своей магии, и теперь Честити оказалась всецело в ловушке красоты мужчины-феи. Но Тейн не хотел завораживать ее своей магией или затягивать в свои сети против ее воли. Нет, Честити должна была возжелать его сама, без принуждения. И все же ее роскошное тело и невинный рот делали Тейна бессильным в борьбе с владевшим им грехом. Сказочный принц с честью и достойными намерениями не мог поколебать сидевшую в нем похоть, чтобы выпустить из своих объятий Честити Леннокс.

Потянувшись к ее волосам, Тейн вытащил шпильки и выдернул из прически длинные шелковистые локоны, которые, разметавшись, каскадом спустились к талии. Он жадно изучал Честити, сравнивая ее с древней языческой богиней с этими тяжелыми обнаженными грудями и головой, запрокинутой в обворожительной, сексуальной демонстрации собственной женственности. Именно этого, думал Тейн, поглаживая ладонями ее груди, он и желал от спутницы сво-

ей жизни. Такого же раскрепощения, всеобъемлющего освобождения, дающего возможность ощутить истинную страсть, предаться потребностям мужчины и женщины. В один прекрасный день Честити согласится прийти к нему, воссоединится с ним в его королевстве, и там они будут вместе, Тейн обретет свою суженую, супругу, предназначенную ему судьбой. Он будет проводить с Честити ночи напролет, пробуждая ее в темноте поцелуями и неспешным, сладостным ритмом члена, скользящего внутри ее.

Честити Леннокс. Его будущая супруга. Его добродетель. Его фантазия. Он хотел ее, независимо от того, к чему это могло привести.

Затрепетав, веки Честити закрылись, когда пальцы Тейна пробежали по округлому контуру ее щеки. Ее рот приоткрылся на вздохе, и принц тут же представил, каково бы это было – она, стоящая на коленях, ждущая, как его член скользнет между этих восхитительных губ.

Да... И неземная сущность Тейна, и крепко сидевшая в нем похоть хотели ее вот такой, с обнаженной грудью, разметавшимися спутанными волосами и вспухшими от поцелуев губами, которые манили, распахнувшись и суля ему блаженство в кольце этого восхитительного, невинного рта.

– Прекрасная Честити, – благоговейно прошептал

Тейн, позволяя себе насладиться запретным образом того, как она принимает его мужское естество своим ртом, заглатывая глубоко, во всю длину. Ее пухлый рот был бы таким горячим... Влажным. Бесконечно возбуждающим.

– Пожалуйста... – Это слово сорвалось с ее губ шепотом, еле слышно, почти умоляюще.

Тейн, разумеется, хотел ответить и все же не мог остановиться в своих ласках. Но, подняв подбородок Честити вверх и взглянув ей в глаза, он прочитал в них стыд. Мерцание страсти и желания тут же исчезло, оставив Честити взирать на своего обольстителя со страхом ягненка, которого ведут на убой.

– Не смотрите на меня с таким ужасом, – прошептал Тейн.

– Тогда отпустите меня.

Освободив Честити, принц отступил. Отказ от нее был самой трудной вещью, которую ему когда-либо доводилось делать. Оказаться отвергнутым – это казалось столь отвратительным, столь чуждым ему. Он вдруг оказался не у дел. Его неземные чары не помогли покорить Честити. Тейн знал, что его красота была великолепной, неоспоримой, совершенно неотразимой для смертных, и все же здесь, перед ним, стояла эта молодая женщина, горящая первым румянцем чувственного возбуждения, которая отказала принцу

и своим собственным сексуальным потребностям.

Честити несколько раз моргнула, проясняя затуманенный взор, и огляделась вокруг сначала со смущением, а потом и с ужасом. Вскрикнув, она поспешила прикрыть руками обнаженные груди. Тейну не хотелось видеть, как бледнеет ее лицо от стыда. Не хотелось, чтобы Честити скрывала от него хоть что-нибудь, и меньше всего – свое тело. Это восхитительное тело, которому могла бы до смерти позавидовать самая знаменитая куртизанка.

Тейну оставалось лишь предполагать, какие мысли метались в сознании Честити, что она чувствовала после этой ситуации, которую наверняка расценила как унижение своего достоинства.

– Я... – Честити подскочила от возмущения, слезы струйками стекали по ее щекам. – Вы оскорбили меня, сэр.

– Нет, – резко произнес Тейн, бросаясь к ней. – Нет ничего постыдного в страстном желании.

– Животная похоть таит в себе очень серьезное оскорбление, милорд. И вы, милорд, относитесь к худшему типу совратителей.

– Моя страсть внушает вам отвращение, – спросил Тейн, схватив один из непокорных разметавшихся локонов и накрутив его на палец, – или это ваша реакция на мое вожделение, которое унижает вас?

Глаза Честити расширились, ее рот приоткрылся, пытаясь еле слышно что-то произнести. Отвратительное существо, жившее внутри Тейна, пробудилось, скрежеща зубами, желая возмездия за ее пренебрежение. Его грех жаждал овладеть Честити, взять ее силой и показать ей истинный стыд, настоящее оскорбление. А темный мужчина-фея... Он тоже хотел наброситься на эту высокомерную девицу, которая так больно уязвила его гордость своим презрительным отказом.

Тейн схватил Честити, резко приподняв так, что ее голые груди прижались к его шелковому камзолу. Она чуть не задохнулась, когда пуговица камзола задела ее сосок, натирая его.

– Вы хорошо притворяетесь, изображая невинность, – с жаром зашептал принц на ухо Честити. – Вы ведете себя так, словно оскорблены, унижены, обещены, и все же ваше тело возгорается от прикосновения. Ваш аромат наполняет воздух, и я готов биться об заклад: если бы мне удалось проникнуть под слои кружев и невинный белоснежный лен вашей нижней юбки, я обнаружил бы там ваше маленькое тесное лонно, истекающее влагой для меня.

Честити вlepипла нагледцу звонкую пощечину:

– Никогда!

Тейн улыбнулся и позволил ей удалиться прочь,

отпустил всего на короткое мгновение, позволившее ему собрать все, что осталось от его благородных намерений.

– Выходит, вы бросили мне перчатку, леди Чести-ти? – крикнул принц ей вслед.

– Я никогда не покорюсь вам, – презрительно усмехнулась она, разглаживая помятое платье.

Метнувшись к дерзкой девчонке, Тейн снова схватил ее и горячо прошептал на ухо:

– Вы не просто покоритесь мне, вы сделаете гораздо больше, уверяю вас. Когда я в следующий раз окажусь рядом, уже вы будете умолять.

Глава 5

– Ну, так что же?

– Они их нашли.

Резкий удар хрустального бокала о золотую стену заставил горстку фей-служанок, кружившихся над волшебной королевой, в страхе отскочить.

– Оставьте нас! – в ярости бросила Айна, еще больше пугая уже и без того основательно взволнованных фей.

Кром молча наблюдал, как слуги покидают гостиную его матери. Они точно так же, как и сам Кром, прекрасно знали: гнев королевы не сулил ничего хорошего. Она, одна из самых могущественных волшебниц на свете, не привыкла мириться с неудачами. Жажда полного уничтожения Неблагого Двора придавала ей сил, делала сосредоточенной и заставляла легко выходить из себя.

Королева обернулась к сыну, и серебристая мантия, которую она носила поверх длинного платья, взлетела вверх подобно дуновению ветра. Ее прекрасные черты исказились маской ужаса, гнева и, возможно, страха.

– Как это может быть? Как темные феи узнали о добродетелях?

– Я не знаю. Но уверяю тебя, они все поняли.

– Нет, – раздраженно бросила королева, меряя шагами периметр позолоченной комнаты. – Нет, это невозможно! Они не могли проведать, что кровь смертных, которая требуется, чтобы положить конец проклятию, – это кровь добродетелей. Эта тайна хранилась на протяжении двухсот лет. Я, я сама позаботилась об этом!

Айна снова вскипела, ее уже начинало трясти от ярости.

– Это – мое решение, мое проклятие, и добродетели, – она злобно усмехнулась, чувствуя, как нарастает в душе гнев, – мои творения. Мои, только мои! Созданные для блага моего двора. Я управляю ими. Я использую их. Я, а не... – Королева запыхтела, задыхаясь от яростной тирады, и сдавленно закончила: – А не темные феи.

– Мама, успокойся, – посоветовал Кром, потянувшись к графину с медовым вином. Вырвав хрусталь из руки сына, королева с грохотом поставила графин обратно на стол.

– Я хочу получить ответы, Кром. Это просто невероятно, что Ниалл – или кто-либо другой из них – мог узнать о добродетелях и их значимости в снятии проклятия.

– Вероятно, – пробормотал Кром, следуя присталь-

ным взглядом за мечущейся по комнате матерью, – в твоём королевстве завелся шпион.

Это предположение заставило королеву замереть на месте как вкопанной. Она бросила грозный взгляд через плечо, и в ее фиалковых глазах сверкнула злоба.

– Здесь нет никаких доносчиков!

– Ты уверена?

– Абсолютно. Никто не посмел бы нарушить мои приказы или предать свою королеву.

– А как насчет Вивианы? Она сбежала из нашего королевства. Возможно, теперь она помогает твоему неблагому сыну.

Мать, начавшая было снова расхаживать по гостиной, резко остановилась, посмотрела в окно и затихла, напряженно размышляя над догадкой Крома.

– Она – смертная, рожденная сто лет назад. Разумеется, проживание при нашем дворе замедляет ее старение, но однажды она покинет этот мир... – Королева обернулась к сыну, взгляд ее фиалковых глаз теперь был твердым и спокойным, полным уверенности. – Ее увели от нас шесть месяцев назад – в смертном королевстве этот период равен трем годам. Если Вивиана все еще жива, она уже старуха, которая наверняка сейчас стала убогой, хромой и мямлящей всякую ерунду. Но, скорее всего, она уже обратилась

в пепел, и ветер унес ее останки далеко-далеко.

Кром понимал: его мать, разумеется, была права – как обычно. И все-таки в этом вопросе она явно мыслила недостаточно ясно и широко. Вивиана была воплощением добродетели прилежания. Олицетворением постоянства. Она попала к Благому Двору с первыми семью добродетелями и сочеталась браком с мужчиной-феей, оказавшимся деспотичным и грубым. С ней обращались совсем не так, как с остальными шестью добродетелями. Нет, думал Кром, вспоминая мучительные, полные боли крики Вивианы, когда ее муж-фея грубо совокуплялся с ней. Нет, если у кого-то и возникло желание помогать темным силам, то это была она. Если у кого-нибудь была причина предать королеву и ее двор, то только у Вивианы.

– Нет, определенно нет, – пробормотала мать. – Это не Вивиана. Помимо всего прочего, Суцелл держал ее в ежовых рукавицах. Она была покорной супругой и казалась довольной своей участью.

Нет, она отнюдь не была довольной. Кром знал: мать обманывает сама себя, если действительно верит в это. Суцелл был воином-феей, привыкшим господствовать над рождением и смертью. Он обладал могущественной, темной магией, и Вивиана панически боялась его – этого чудовища, которым и являлся на самом деле Суцелл. Испорченный своим влия-

нием при Благое Дворе и тьмой, которая, казалось, так и бурлила в нем, Суцелл выделялся жестокостью, склонностью к разврату и властным нравом. Кром мог бы поспорить на все свое богатство, что в жилах Суцелла течет кровь темных фей. Тот факт, что Суцелл был далек от добропорядочности, каким-то образом ускользнул от королевы.

– Если не Вивиана, – спросил озадаченный Кром, – то кто?

– Никто из моего королевства, – твердо отрезала мать.

Кром задумчиво смахнул невидимую пушинку со своей кружевной манжеты и посмотрел на королеву. «Как же она слепа!» – недоумевая, подумал он. С каких же пор отчаянное желание добиться справедливости затмило для матери благополучие собственно-го двора? Она была охвачена потребностью поставить не-благих на колени. Увидеть их уничтоженными. Мечты о гибели темных сил занимали все мысли королевы днем и, без сомнения, заполняли все ее сны ночью.

– Возможно, – осторожно предположил Кром, – ты недооцениваешь моральную стойкость и силу духа моего брата. Он – не какой-то простофиля, а могущественный не-благый король.

– Он – омерзительный варвар! – яростно прошипел

ла королева. – Рожденный от этого чудовища, которое изнасиловало меня!

– Ты забываешь одну простую вещь, – возразил Кром, осознавая, что сейчас приведет королеву в бешенство. – В его венах течет и твоя кровь.

– Не смей говорить со мной об этом... этом монстре! – рявкнула мать. – Он – из темных фей, внушающих отвращение. Я не нуждаюсь ни в каких напоминаниях о том, что он появился на свет из моей утробы.

– И все-таки он – твой сын, обладающий как минимум половиной твоей силы.

Она побледнела. Красивая, величественная королева фей на самом деле побледнела, и Кром скрыл свою ухмылку. Он наконец-то постиг величайший страх своей матери – это был его брат-близнец.

Королева быстро вернула себе самообладание и снова принялась расхаживать по комнате.

– Темные феи – глупые существа. Они больше интересуются сексом, чем волшебством и политической борьбой. Их двор – клоака похоти, а не средоточие влияния и изысканности. Они не способны разгадать тайну моего проклятия.

– Так или иначе, но Ниалл обнаружил ключ к разгадке этой тайны, узнал, что для освобождения его двора от страшной участи необходимо завести потомство от воплощенных добродетелей и влить в гибнущее ко-

ролевство столь необходимую – и сильную – чистую смертную кровь.

– Они должны быть нашими! – вскричала мать, и ее миниатюрная рука сжалась в маленький кулак. – Первые семь прибыли к этому двору сто лет назад, и теперь самый подходящий момент для следующих семи, чтобы вступить в брак с нашими принцами. Так все и было устроено. Я отобрала лучших придворных, не только для усиления королевства, но и ради высшей цели на благо нашего двора. Каждый благой, на котором я остановила свой выбор, усовершенствует добродетель, а их потомство наделит наш двор всеми возможными и столь желательными для нас достоинствами. Эти женщины будут нашими, они станут дарами моим преданным подданным. Я не позволю осквернить их, мои... творения, прикосновениями темных фей.

– Успокойся, мама, – медленно, растягивая слова, произнес Кром. – Ты забываешь о том, что для разрушения проклятия эти добродетели должны попасть к Неблагому Двору по своей воле. Как только они узнают о грехах, скрытых в темных феях, эти невинные души ни за что не последуют за ними.

– Ты не знаешь силы темных фей, – тихо ответила королева, в отчаянии ломая руки. – Их очарование ни с чем не сравнится, их красота и пленительность

– самые сильные на свете. Их обольщение сулит самое сладостное, самое пьянящее возбуждение, которое суждено когда-либо испытать. Даже при том, что разум может ненавидеть их, тело...

Она задрожала, но сумела взять себя в руки и продолжила:

– ...тело страстно желает их, жаждет их. У этих женщин вряд ли будет хоть малейший шанс защититься, если они станут жертвами очарования темных мужчин-фей.

Занимательное и весьма поучительное короткое наставление. Неужели мать забыла, что и сам Кром отчасти – темный мужчина-фея? Его отец был королем этих порочных сил. И хотя Кром был похож на свою золотисто-светлую благую мать, некоторые черты его характера, несомненно, целиком и полностью достались ему от неблагих.

– Мама, тебе совершенно не о чем волноваться. Я принял меры, чтобы защитить добродетели.

Королева опустилась на бархатное кресло. Она выглядела изнуренной и старой, чуть ли не на свой солидный возраст – двести пятьдесят лет.

– Расскажи мне, что ты предпринял.

– Они находятся совсем рядом, под рукой, их охраняет несколько моих людей, которые изображают из себя лакеев.

Лицо матери прояснилось.

– Они в Лондоне?

Кром улыбнулся:

– Совершенно верно. Я заблокировал городской дом Леннокса. Никто, кроме смертных, не сможет проникнуть на территорию имения – по крайней мере до тех пор, пока мы не решили, что нужно сделать с моим братом и его бандой проклятых принцев.

– Я должна поговорить с Ленноксом, – требовательным тоном произнесла мать.

– В четыре утра, – сообщил Кром. – Все уже устроено. Он встретится с тобой у ворот Ричмонд-парка. Мне показалось, так будет лучше для тебя, ведь с некоторых пор парк вошел в состав твоего королевства. На своей надежно защищенной земле ты будешь в полной безопасности, если темным феям вдруг вздумается сопровождать Леннокса.

Улыбка, игравшая на губах матери, стала еще шире, заставив ее лицо озариться красотой.

– Ты – самый лучший мой помощник, не так ли?

Кром почтительно наклонил голову.

– Ты была для меня всем – и матерью, и отцом. Разумеется, я всегда буду рядом и последую по твоим стопам.

– И чего же ты хочешь, Кром? Я чувствую, что этот интерес к добродетелям объясняется не просто жела-

нием видеть любимую мамочку счастливой и сохранить проклятие, наложенное на твоего брата-ублюдка, в силе.

Ага, вот они и подошли к самой сути дела! Крому следовало вести себя осторожно, ведь с невероятной красотой его матери могла сравниться по силе только ее проницательность. Каждый шаг, каждое решение – все должно было направляться на пользу Благого Двора. Это чертово королевство было всем, ради чего жила, дышала, процветала его мать. Ее жажда отмщения неблагим не поколебалась ни на мгновение, эта ненависть только выросла с тех пор, как она сбегала из владений его чудовища отца, – а прошло с тех пор немногим больше двухсот лет.

По земным понятиям это был неизмеримо долгий период времени, за который желание возмездия навсегда вошло бы в жизнь, стало неотъемлемой частью существования. В волшебном же мире это было ничто. И все же Кром чувствовал, будто одержимость местью существовала миллиарды лет, целую вечность. Он устал от этого. Утомился тем, что его вечно считают незрелым юнцом, цепляющимся за юбку матери. Пришло время встать у руля власти, принять его в свои руки. Светлые силы нуждались в короле, и никогда еще так сильно, как сейчас, когда неблагие покинули свой темный двор, чтобы, в свою оче-

редь, свершить возмездие над давними врагами.

– Кром? – окликнула мать полным подозрений голосом.

Не было никакой надобности опять сердить королеву, вызывать у нее сомнения, давая понять, что родной сын планирует свергнуть ее и создать новый Благой Двор. Нет, Крому следовало действовать мудро, не раскрывая свои истинные намерения.

– Я просил бы тебя, мама, подумать о том, чтобы даровать одну из добродетелей мне.

– Тебе? – рассмеялась она, взяв серебряное зеркало и с удовольствием разглядывая себя в нем. – Невзирая на то, что ты сделал бы с этой добродетелью?

Это так раздражало Крома – мать относилась к нему, как к бесполезному, ни на что не годному придворному!

Хорошо, а что она вообще знала? В течение последних трех лет Кром прямо под ее носом собирал свою маленькую мятежную армию. Суля справедливое вознаграждение и союзы с добродетелями, эти браки, которые могли бы значительно упрочить силы благих, он сделал своими сторонниками шесть фей, которые должны были помочь Крому вероломно захватить трон матери. Сейчас, когда все было готово, хитрец сгорал от нетерпения претворить свой план в

жизнь.

Его мать правила слишком долго. Ее главной и единственной заботой было полное уничтожение Неблагого Двора, и Кром разделял это желание. Но, помимо этого, у него было немало идей по поводу того, как сделать их королевство процветающим, — наследник престола мечтал воплотить в жизнь то, от чего его мать давным-давно отказалась. Он мечтал об объединении с другими волшебными силами, обитавшими в разных странах. О приумножении благосостояния, которое принес бы альянс как с феями, так и со смертными. Мир развивался, и все больше и больше смертных, населявших землю, отказывались верить историям о Дине Ши так же беззаветно, как это когда-то делали их предки. Нет, времена менялись, и если благие хотели выжить, им нужно было меняться вместе с этими временами. Миллионы смертных нуждались в дарах фей, и эти миллионы можно было использовать в качестве пешек в своих руках.

Мать Крома не замечала ничего вокруг. Она видела лишь желанную цель — уничтожение ненавистного двора, и это превратило ее в озлобленную женщину.

Ничто не доставляло Крому такое наслаждение, как мысль о том сладостном моменте, когда он сообщит матери: дни ее правления Благим Двором сочтены. И все же, будучи сыном королевы, Кром постиг

одну очень важную вещь: в любом деле необходимо убедиться, что ты владеешь ситуацией, являешься хозяином положения – в полной мере. Пока он был не совсем еще уверен в своих силах. Значит, оставалось притворяться, будто его личная заинтересованность объясняется гораздо более благородными намерениями.

– Я хотел бы обрести жену, мама. Полагаю, у меня есть право претендовать на это, мечтать о создании семьи. И еще о детях. Разве ты не наслаждалась бы от души, играя роль безумно любящей бабушки прелестных детишек, рожденных от союза феи и добродетелей?

Королева махнула светлой рукой, решительно отвергая планы сына.

– Выбери себе жену из моих фрейлин или дочерей придворных.

– Я хочу добродетель, – упрямо ответил он, скрежеща зубами.

Мать изумленно вскинула бровь и, положив зеркало на стол, пристально посмотрела на Крома:

– И как бы ты ладил с добродетелью?

Мать ни за что не поверила бы, Расскажи он все откровенно. Целых три года Кром грезил о Честити Леннокс. Ее невинность, ее чистота были бы идеальным символом его нового двора. Став королевой, Чести-

ти воплотила бы в себе все, чего Кром пытался достигнуть. А в постели... он чувствовал, как нарастает возбуждение, стоит вызвать перед мысленным взором образ чувственной Честити Леннокс. В постели он мог оказаться таким порочным, каким и жаждал быть рядом с этой восхитительной женщиной. Она принадлежала бы ему – только ему. О, Кром слишком хорошо скрывал от матери потребности, которые будоражила текшая по его венам кровь темных фей! Но зрелые, типично мужские желания порочных сил прочно сидели в нем, кипели глубоко внутри. Он жаждал овладеть добродетельной Честити, подчинить ее себе, спрятать в своей спальне, предаваясь с ней разврату ночью и очистительно возвышая ее днем.

– Мама?

– Полагаю, я могу поразмыслить над этим, – отозвалась королева, что означало: она не удостоит этот вопрос и одной-единственной мимолетной мыслью.

– После своей встречи с Ленноксом?

– Да-да, – рассеянно ответила она и, взяв графин, налила себе немного волшебного медового вина.

Кром поднялся из-за стола и разгладил камзол ладонью, потом повернулся и потянулся к своей шпаге, надежно спрятанной подальше в ножны.

– До свидания, мама.

Королева хранила молчание, и, лишь когда сын

оказался у двери, его окликнул ее голос, обворожительный и мелодичный, который будто подслащивал зазвучавшее в словах грозное предупреждение:

– Даже не думай о том, чтобы свергнуть меня, Кром.

Я все равно возьму верх, и тогда мало тебе не покажется.

Закрыв за собой дверь, Кром прижался спиной к резному дереву. Что и говорить, придется нелегко, но он сделает это. Низвергнет свою мать с трона, и, в конечном счете, сам Кром и преданные ему мужчины завладеют добродетелями, что поможет им создать новый Благой Двор.

– Ну?

Кром увидел высокого светловолосого воина, показавшегося из полумрака.

– Как мы и подозревали. Она собирается удостоить добродетелями своих старых придворных.

– А темные феи, как они обнаружили женщин?

– Не знаю, но это представляет угрозу нам и нашим планам. Мы просто обязаны выяснить, как они узнали об этом, а заодно не допустить, чтобы добродетели попали в руки к темным силам. Неблагим нужны все семь женщин, чтобы разрушить проклятие, наложенное на их двор. Мы должны помешать любой из этих женщин оказаться у них.

– Что теперь, ваше высочество?

– Тебе удалось втереться в доверие к домочадцам Леннокса?

Воин, которого звали Араун, улыбнулся:

– Да. Я сказал ему, что меня направила королева Айна. Он мне поверил. Этот несчастный идиот до смерти боится гнева королевы и его последствий, так что он не будет возражать. Он считает, что королева послала меня, чтобы забрать его дочь в качестве части десятины, которую он должен.

– Выходит, все улажено?

Араун кивнул:

– Я добиваюсь расположения Пруденс, воплощающей добродетель умеренности и сдержанности.

Кром расплылся в улыбке, довольный успехами Арауна.

– Хорошо. Представь меня Честити, да поскорее!

– Кто-то блокировал городской дом, – в ярости бросил Тейн, чувствуя, как кровь закипает от гнева.

– На такое способен только этот ублюдок, мой брат Кром! Несомненно, он действует по приказу королевы, – пробормотал Ниалл, прислонившись к стволу древнего дуба в Гайд-парке.

– Тогда они знают, что мы пытаемся завладеть добродетелями, – сказал Киан, пристально глядя сквозь ветви дерева.

День клонился к вечеру, и солнце перемещалось на запад, сияющие лучи испещряли листья яркими пятнами. Парк наводнили многочисленные экипажи, так что Тейну и его друзьям пришлось позаботиться о том, чтобы выглядеть джентльменами, выбравшимися на верховую прогулку в этот излюбленный светской публикой час. Они гармонично слились с окружающей местностью, затерявшись среди зеленой листвы. В конце концов, они были волшебными созданиями, феями, и природа была их домом. Им было так комфортно здесь, в лесу, под звездами и луной. Ночь была больше по вкусу темным феям. С заходом солнца их силы – и их чары – начинали пробуждаться. Но вместе с их бурной неземной кровью просыпались и их грехи.

– Теперь, когда благие следуют за нами по пятам, – продолжил Киан, – нам будет очень непросто привести добродетелей к нашему двору, особенно учитывая то, что мы не можем просто похитить их.

– Воспользуйтесь своими чарами, – проворчал Ниалл, – но только для того, чтобы привлечь их внимание. Нам нужно действовать как можно быстрее, если мы действительно хотим заполучить их. Наши соперники без малейших угрызений совести прибегнут к своей магии, чтобы соблазнить этих женщин. Мы должны сделать все, что в нашей власти, чтобы по-

мешать этому.

— Не много ли усилий ради этих благих? — со смехом возразил Эйвери. — Эти ханжеские паиньки-феи даже не знают, как близко подойти к надлежащему общению! К тому моменту, как они будут пытаться познакомиться с девицами, я уже очарую предназначенную мне добродетель и уложу ее в постель!

Ниалл бросил взгляд на Эйвери и сверкнул широкой усмешкой.

— Твое мастерство вошло в легенду, друг мой, но не забывай о проклятии. Добродетели должны прибыть к вам и нашему двору по доброй воле. Вы не можете пользоваться волшебством, чтобы убеждать их.

— Мне требуется лишь волшебство моих рук, — хитро подмигнул Эйвери.

— Полагаю, привести их к нашему двору — это лишь полдела, — тихо произнес король. — Важно еще и удержать их у нас. Этим женщинам придется оставить единственную известную им жизнь, все, что они когда-либо знали. Их семьи, друзей — их смертность. Это будет самая трудная задача.

— А что насчет остальных трех добродетелей? — поинтересовался Киан. — У Леннокса четыре дочери, которые олицетворяют собой целомудрие, умеренность, доброту и смирение. Где же прилежание, милосердие и терпение?

– Я как раз навожу справки, – веско изрек Ниалл, следя взглядом за лазурной птицей, перелетающей с дерева на дерево. – У нас нет времени слишком осторожничать. Кто знает, сколько еще остальных дворов, населенных феями, присягнули на верность моей матери? Немало других тоже могут добиваться этих женщин.

– Что ты предлагаешь? – спросил Тейн, чувствуя, как в душе нарастают тревога и ярость. Ему не нравилась идея о том, что искать расположения Честити будет кто-то еще, кроме него самого. А особенно – какой-нибудь благой мужчина-фея. Мысль о том, что это и в самом деле был Кром, который, как подозревал Ниалл, взял дом Леннокса под свою охрану, и вовсе привела Тейна в неопишемое бешенство. Он просто не выносил родного брата короля, и, стоило темному принцу представить, как Кром овладевает Честити, как его кровь начала гневно бурлить. Нет, Тейн ни за что не мог допустить, чтобы благой заявил права на его добродетель! Его...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.